

ИЗЪ ЗАБЫТОЙ КНИГИ

О

ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

С -Петербургъ.

Типографія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

1905.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, въ Августѣ 1880 года, покойный профессоръ Московскаго Университета Николай Алексѣевичъ Любимовъ, бывшій въ то время также и редакторомъ издаваемаго М. Н. Катковымъ «Русскаго Вѣстника», началъ печатаніе въ этомъ журналѣ, подъ псевдонимомъ Варѳоломея Кочнева, ряда очерковъ изъ эпохи французской революціи въ формѣ разговоровъ двухъ пріятелей, подъ общимъ заглавіемъ «Противъ теченія».

Издавая вполсѣдствіи свое историческое изслѣдованіе отдѣльною книгою, озаглавленную «Крушеніе Монархіи во Франціи», Н. А. Любимовъ такъ объяснялъ первоначальное его оглавленіе: „Трудъ былъ названъ *Противъ теченія*, такъ какъ время, въ какое онъ писался, носило несомнѣнный революціонный оттѣнокъ и культъ революціи, издавна распространенный во многихъ изъ нашихъ интеллигентныхъ кружкахъ, грозилъ отъ мечтаній перейти къ практикѣ. Въ правительствѣ чувствовалась слабость; въ обществѣ обнаруживались явственные предреволюціонные симптомы. Самыя дерзкія, почти невѣроятныя, покушенія слѣдовали одно за другимъ; приближалось страшное событіе 1 марта.... Въ такую эпоху говорить о революціи, не какъ о благодѣтельномъ переворотѣ, неотразимо требуемомъ законами исторіи—значило, очевидно, говорить противъ теченія“.

Статьи Н. А. Любимова въ свое время произвели большое впечатлѣніе и прошли не безслѣдно. За и противъ было высказано многое. Критики, относившіеся къ нимъ отрицательно, указывали, что статьи тенденціозны въ томъ смыслѣ, что авторъ какъ-бы выискиваетъ параллели между происходившимъ во Франціи передъ революціей и тѣмъ, что творилось у насъ въ концѣ 70-хъ годовъ, а слѣдовательно имѣеть въ виду не востановленіе исторической истины, а искусственный наборъ подтвержденій для предвзятой мысли. «Нѣтъ ничего несправедливѣе такого сужденія—писалъ Н. А. Любимовъ—пусть укажутъ хоть одинъ фактъ, изложенный не говорю уже ложно, но хотя бы въ невѣрномъ освѣщеніи, съ цѣлью подыскать параллель. Я не скрывалъ, что, изучая событія революціи, я имѣлъ въ виду извлечь поучительныя приложенія къ явленіямъ, происходящимъ на нашихъ глазахъ въ настоящую смутную эпоху, и самое изученіе предпринялъ съ этою цѣлью. Трудно не замѣтить значительнаго родства явленій. Переживаемую нами эпоху неурядицы, созданной глав-

нымъ образомъ правительственными ошибками, нельзя не назвать революціонною въ томъ смыслѣ, что она вся есть неразумное броженіе, способное привести къ затрудненіямъ, какими не преминули бы воспользоваться наши многочисленные враги. Оно произведено чрезъ ослабленіе начала власти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, долга и отвѣтственности на всѣхъ путяхъ жизни. *Эта скрытая анархія можетъ въ одинъ день одѣлаться явною*, какъ только потокъ направится не къ тому, чтобы вызвать начало власти къ дѣйствию, а къ тому, чтобы подвергнуть его вопросу, что неминуемо послѣдуетъ *при первомъ вступленіи на путь собраній, соборовъ, конституцій*, — какъ только въ какой угодно формѣ встанетъ вопросъ о государственномъ верховенствѣ. Революціонные симптомы одинаковы въ человѣческихъ обществахъ“.

Большую, тѣмъ не менѣе, разницу видѣлъ Н. А. Любимовъ между французскимъ и русскимъ революціонными движеніями. Описывая парижскія празднества федераціи въ Іюль 1790 г. онъ говоритъ:

„Между событіемъ великой исторической важности, какова французская революція, и нашими печальными явленіями революціоннаго характера есть громадная разница не только по сравнительной важности событий, но по самому существу явленій. Французская революція, какъ бы ни смотрѣть на нее, была явленіемъ *центростремительнымъ*; наша революціонная политика по существу *центробъжная*. Революціонный французскій кличъ былъ къ единству Франціи; черта, спасавшая Францію въ критическое время ея существованія, была патріотизмъ. Патріотизмъ можетъ вывести страну и изъ революціонной бури. Революція, исключая патріотизмъ, можетъ принести только гибель. А именно такова обѣщаемая намъ русская революція. *Эта русская революція есть попросту русское разложеніе*. Мы присутствовали при одномъ ея актѣ. О чемъ была забота въ эпоху смуты, ознаменованной польскимъ возстаніемъ 1863 года, такъ привѣтствованномъ нашими революціонерами, какъ не о раздробленіи Россіи, искорененіи русскаго патріотизма и всяческомъ противодѣйствіи національной политикѣ? Русская революція по существу своему можетъ быть только *центробъжною*, затѣваетъ ли она разбить всю страну на мелкія и независимыя волости, или задается болѣе близкимъ вопросомъ о всеоружіи правъ и конституціонномъ устройствѣ страны“.

Подтверженіе своей мысли Н. А. Любимовъ, между прочимъ, усматривалъ въ томъ настроеніи, которое охватило большую часть русскаго общества въ 1880 году. Настроеніе это авторъ «Противъ теченія» изображаетъ слѣдующими живыми красками:

«Едва ли есть въ настоящее время на протяженіи Россійской Имперіи человѣкъ, который бы не жаловался. Всѣ мы жалуемся и требуемъ улучшеній. Администраторъ жалуется, что его не довольно уважаютъ; общественный дѣятель, что у него мало правъ и нѣтъ арены для красно-

рѣчія—что и мѣшаетъ ему исполнять обязанности; духовный пастырь жалуется, что скудно содержаніе; крестьянинъ, что мало земли и поборы велики; хозяинъ, что мастеровые только пьянствуютъ, а не работаютъ; жалуется собственникъ, что собственность не приноситъ дохода, а обложена все возрастающими сборами; жалуется купецъ, что очень ужь плутъ сталъ народъ; акціонеръ, что его обворовываютъ; предприниматель, что слишкомъ много требуется для «подмазки», чтобы пустить въ ходъ какое-либо дѣло; судъ жалуется на администрацію, администрація на судъ; начальники жалуются, что подчиненные ихъ не слушаютъ, подчиненные зачѣмъ еще есть у нихъ начальники, когда каждый самъ себя отлично чувствуетъ начальникомъ; общество жалуется, что правительство все беретъ на себя, правительство, что общество ничего взять на себя не хочетъ; публика жалуется на разнузданность журнальныхъ нравовъ и жадно читаетъ скандалы; журналисты жалуются, что имъ недостааетъ свободы слова и съ азартомъ требуютъ «обузданія», если кто заговоритъ не по камертону; раскольники жалуются, что чиновники и литераторы, съ тѣхъ поръ какъ приняли роль защитниковъ „свободы совѣсти“, обходятся дороже прежняго; чиновники жалуются, что у раскольниковъ туга стала мощна; профессора жалуются, что у нихъ нѣтъ студентовъ въ аудиторіяхъ, студенты, что у нихъ нѣтъ профессоровъ на кафедрахъ, тѣ и другіе, что не могутъ серьезно заниматься дѣломъ; не жалуются кажется только лѣса и горы,—горы потому, что ихъ нѣтъ, а лѣса потому, что мы ихъ повырбили.

Но странное дѣло! во всемъ обширномъ и разноголосномъ хорѣ жалующихся и негодующихъ не слышится вовсе указанія и жалобъ на главное зло, составляющее дѣйствительную язву нашего современнаго положенія. Послушать—мы всѣ находимся подъ гнетомъ какой-то тяжести и движемся въ сжатой и густой атмосферѣ. Но, взглянувъ внимательнѣе, не трудно убѣдиться, что напротивъ всякая тяжесть сложена нами съ плечъ и мы идемъ налегкѣ; удушье, несомнѣнно чувствуемое, происходитъ не оттого, что воздухъ сжать, а оттого, что разрѣженъ, и мы въ запуски стараемся лишить его живительнаго кислорода. Не въ томъ зло, что трудно у насъ жить, а въ томъ, что *слишкомъ легко у насъ живется*. Трудъ ослабъ на всѣхъ ступеняхъ. Мы проживаемъ капиталъ, слѣпо не замѣчая, какъ легко этимъ могутъ воспользоваться наши враги. *И не благодарить за это насъ наши потожки!* Какая масса трудныхъ и серьезныхъ дѣлъ стоитъ безъ движенія и не потому, чтобы руки были связаны—никогда онѣ не были свободны какъ теперь, а потому, что на всѣхъ путяхъ выгоду оказываетъ бездѣлье. Нѣтъ труда производительнаго, ибо въ выгодѣ и почетѣ трудъ кажущійся, непроизводительный. Заслуга не замѣчается, за то мнѣніе требуемой окраски, искреннее или фальшивое все равно, вмѣняется въ заслугу. Всѣ управленія кипать проектами, нѣтъ мало-мальски замѣтнаго чиновника, который не былъ бы членомъ нѣсколькихъ комиссій;

все. кажется, изучается, взвѣшивается и здѣсь и во всѣхъ странахъ міра, и въ китайскомъ законодательствѣ, и въ англійскихъ архивахъ XIII или иного вѣковъ, и въ исторіи, и въ теоріи, и въ прошедшемъ, и въ будущемъ, а колесница стоитъ на мѣстѣ. Такъ и останется, ибо весь этотъ парадъ есть только внѣшнее подобіе дѣла, а не самое дѣло. Дѣло есть вещь трудная, руководить имъ могутъ немногіе, ихъ надлежитъ искать и дорожить ими, если найдены. Но трудиться и исполнять то, что предписываетъ обязанность, должны всѣ. Условія нашей дѣйствительности требуютъ возможно простыхъ формъ и строгаго исполненія. А между тѣмъ мы видимъ только кандидатовъ въ руководители и набрасывателей проектовъ, задающихся задачей о наисложнѣйшихъ и наименѣ примѣнимыхъ комбинаціяхъ. Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, повѣствуя о своей петербургской дѣятельности, хвастался, что онъ только заходитъ въ департаментъ взять, распорядиться, дать указанія, а тамъ уже этакія крысы-чиновники сидятъ и пишутъ, пишутъ, самъ же просвѣщенный чиновникъ по вечерамъ играетъ въ вистъ: „Французскій посланникъ, нѣмецкій посланникъ и я“; а въ минуты досуга пишетъ статьи для журналовъ. Создатель этого типа. великій изобразитель пошлости нашей жизни, самъ характеризовалъ Хлестакова какъ человѣка «безъ царя въ головѣ, изъ тѣхъ, которыхъ въ канцеляріяхъ принято называть пустѣйшими». Какъ изумился бы авторъ *Ревизора*, увидѣвъ воочию, что въ наше время Иваны Александровичи дѣйствительно играютъ въ вистъ съ французскимъ посланникомъ, даютъ направленіе дѣламъ и пишутъ передовыя статьи въ газетахъ, изображая собою общественное мнѣніе. За то племя крысъ-чиновниковъ исчезло, а „пустѣйшіе“, то-есть къ труду простому неспособные и до труда высшаго, благодаря своему пустѣйшему воспитанію, не доросшіе, стали на первый планъ. Представьте себѣ царство Гоголевскихъ городничихъ, — плутовъ, но по-своему не глупыхъ людей, какъ ихъ характеризуетъ авторъ *Ревизора*, замѣненнымъ царствомъ усовершенствованныхъ Хлестаковыхъ. Можно ли было бы счастье это значительнымъ прогрессомъ? Дѣло дѣлать некогда и на низшихъ и на высшихъ ступеняхъ. Время проводится въ ссорахъ къ дѣлу, въ хлопотахъ о томъ, какъ бы намалевать такую декорацію, подъ сѣнью которой дѣло само собою, въ нѣкоторомъ будущемъ, пошло бы наилучшимъ въ мірѣ образомъ. А пока пусть постоитъ. И легко и спокойно. При такомъ настроеніи менѣе всего оцѣнивается дѣйствительный трудъ, выгоднѣе всего шарлатанство.

Разгулъ бездѣлья много зависитъ отъ чрезвычайнаго въ наше время ослабленія понятія долга. Одинъ изъ основныхъ догматовъ нигилизма есть устраненіе понятія долга, обязанности. Никто ни къ чему не обязанъ, никто ни за что не отвѣтственъ. Но развѣ этотъ догматъ нигилизма не есть въ то же время догматъ огромной части нашей интеллигенціи? Развѣ не чувствуется на всѣхъ путяхъ нашей жизни самое легкомысленное пре-

зрѣніе къ обязанностямъ. развѣ не свидѣтели мы почти повальнаго распущенія, безнаказанности вопіющихъ дѣяній и ожесточеннаго преслѣдованія, не по мѣрѣ вины и безъ вины, дѣяній, неписаннымъ кодексомъ отнесенныхъ къ разряду особо ненавистныхъ, по личности ли подсудимаго, по качеству ли поступковъ? Повидимому мы жаждемъ свободы. Но развѣ поупущеніе и судьямъ и судимымъ, и правящимъ и правивымъ, избирающимъ и избираемымъ дѣлать кто что хочеть и можетъ, не подвергаясь отвѣтственности, если есть хоть малая сноровка ее обойти, — есть свобода? Развѣ замѣна патріархальнаго взяточничества усовершенствованнымъ казнобродствомъ есть въ самомъ дѣлѣ прогрессъ? Развѣ возложеніе серіозныхъ дѣлъ на ребятъ разнаго возраста, на неспособности разнаго калибра, на бездарности разныхъ степеней, можетъ содѣйствовать успѣшному ихъ ходу? Развѣ призваніе всѣхъ и каждаго кому удѣлена большая или малая доля государственной власти къ исполненію обязанностей безъ произвола и самодурства, но съ серіозною отвѣтственностью, не есть настоятельная потребность минуты?...

Мы нуждаемся въ хорошихъ урокахъ всякаго рода, но теперь чутли не болѣе всего въ урокахъ политической мудрости, чтобы предохранить насъ отъ пагубнаго политическаго легкомыслія и недомыслія. Тысячи вліяній толкають насъ на неправильный путь; направляющей нити нѣтъ, идемъ ощупью, не зная что будетъ завтра. Аппетиты сильно возбуждены. Сознаться, что музыка у насъ нейдетъ потому, *что мы не хотимъ трудиться, чтобы научиться играть*, а не потому, что мало инструментовъ и не такъ сидимъ, никто не хочеть. Крыловъ не досказалъ, что сдѣлали члены его *Квартета* послѣ замѣчанья соловья: „а вы друзья какъ ни садитесь, все въ музыканты не годитесь“. Полагать надо, соловья прогнали. Каждый политикующій у насъ думаетъ, что если перенести его, съ фельетономъ въ карманѣ, въ нѣкоторое внушительное собраніе, то онъ чрезъ это самое удивительно бы поумнѣлъ и вѣщаль бы одну мудрость. Одинъ англичанинъ говорилъ, что, еслибы въ Лондонѣ на улицѣ предлагали каждому встрѣчному принять въ свои руки завѣдываніе дѣлами страны, то изъ тысячи встрѣтившихся девяносто девяносто девять отказались бы, а въ Парижѣ, девяносто девяносто девять приняли бы предложеніе. У насъ приняла бы вся тысяча».

Читая приведенныя строки, невольно задумываешься надъ ними. Кажется будто они написаны вчера, и все это относится къ смутнымъ днямъ, переживаемымъ нами. Опредѣленіе чаемой русской революціи, сдѣланное четверть вѣка назадъ, сохраняетъ свой грозный смыслъ и въ настоящее время. Перечитывая почти уже забытую книгу Н. А. Любимова, среди надвигающихся со всѣхъ сторонъ революціонныхъ проявленій нашего тревожнаго времени, нельзя отдѣлаться отъ чувства ужаса предъ грядущими событіями. Книгу эту въ 80-хъ годахъ многіе считали тенден-

позною. выводы преувеличенными, опасенія неосновательными, но теперь она производит впечатлѣніе прямо чуть-ли не пророческой: получаешь ощущение, что уже присутствуешь при первыхъ дѣйствіяхъ грозной революціонной драмы.

Для всѣхъ интересующихся политическою жизнью Россіи и съ различными волнующими ихъ чувствами взирающихъ на будущее, книга Н. А. Любимова нынѣ представляетъ глубокій интересъ; тѣмъ болѣе жалко, что въ продажѣ она почти не встрѣчается: изданія ея 1884 и 1893 годовъ распроданы. Восполнить, насколько возможно этотъ пробѣлъ, напомнить о забытой книгѣ и есть задача настоящей брошюры. Съ этою цѣлью ниже приводятся краткія извлеченія изъ первыхъ очерковъ обширнаго труда покойнаго московскаго профессора, касающіяся событій первой эпохи французской революціи.

I. Извлечение из очерка второго: собрание нотаблей в 1787 году.

Въ концѣ декабря 1786 года, въ тринадцатый годъ царствованія Людовика XVI, былъ сдѣланъ шагъ великой важности. Рѣшено было созвать собраніе нотаблей, нѣчто въ родѣ собора именитыхъ людей. Въ составъ его входили принцы крови, приглашенные королемъ представители высшаго дворянства, духовенства, магистратуры, далѣе члены королевскаго совѣта (*conseil du roi*), депутаты отъ провинцій, гдѣ были сословныя собранія (*paux d'états*), городскіе старшины (*prévôts de marchands*) Парижа и Ліона и меры двадцати двухъ другихъ городовъ изъ остальной Франціи (списокъ нотаблей см. *Archives parlem.* I, 182). Дѣло держалось въ секретѣ и было рѣшено неожиданно для всѣхъ (*Bazenval, Мем.* II, 204) въ совѣщаніи короля съ тремя министрами. Калонемъ, хранителемъ печатей Мироменилемъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ Верженомъ (*de Vergennes*). Другіе ближайшіе совѣтники короля узнали волю его въ засѣданіи совѣта (*conseil des dépêches*), изъ котораго должно было послѣдовать объявленіе о созывѣ. О тайнѣ не знали даже королева и близкія къ ней лица (*Droz, 168*). Мало впечатлительный король подъ конецъ такъ увлекся мыслию такого обращенія къ націи, что на другой день послѣ объявленія въ совѣтѣ своего рѣшенія писалъ къ Калону: „я не спалъ эту ночь, но отъ удовольствія“.

Немедленно разосланы были приглашенія и собраніе назначено на 29 января 1787 года. Подборъ членовъ былъ сдѣланъ тщательно и безпристрастно. Калонь, двигатель всего предпріятія, не устранилъ даже явныхъ своихъ враговъ, какъ архіепископа Тулузскаго Ломени де Бриена, своего будущаго преемника. Въ безпристрастіи выбора Калону отдавали справедливость даже его порицатели (*Неккеръ De la révol. franç., I, 22; Paris 1797*). Члены, за немногими исключеніями, принадлежали къ двумъ высшимъ классамъ, дворянству и духовенству, къ послѣднему въ лицѣ высшихъ его представителей, вышедшихъ также изъ дворянскаго сословія. Собраніе не было выборнымъ, но государственныя силы страны въ ихъ высшемъ элементѣ были представлены достаточно и внушительно: это были тѣ силы, въ которыхъ монархическое начало должно было, казалось, найти наиболѣе прочную опору. И что же? Собраніе послужило не дѣлу укрѣпленія и возвышенія пошатнувшейся власти, а дѣлу революціи; шагъ оказался роковымъ. Знаменательный фактъ, заслуживающій внимательнаго разбора.

Нельзя не признать, что въ идеѣ собрать именитыхъ людей, было не мало привлекательнаго и не мудрено, что Калону удалось прельстить короля мыслию созвать въ минуты затрудненій лучшихъ людей страны и на нихъ опереться, чтобы произвести широкія реформы для блага народа. Положеніе дѣль было дѣйствительно трудное. Въ финансахъ значительный дефицитъ, авторитетъ власти въ паденіи, *въ умахъ безпокойство, неспособное ничѣмъ удовлетвориться, породившіе всеобщее критиканство*. Надо же было что-нибудь предпринять! Какая мѣра могла быть дѣйствительнѣе собора лучшихъ людей? Еслибы собраніе оказалось на высотѣ своего призванія, овладѣло бы положеніемъ, вошло бы въ преобразовательные виды правительства, поддержало бы ихъ своимъ авторитетомъ, сдѣлалось бы опорой монархіи, — ходъ событій могъ быть совсѣмъ иной. Получи мѣра успѣхъ, — она бы въ вѣкахъ прославлялась какъ актъ государственной мудрости. Успѣха не было, и мы зовемъ ее роковою ошибкой.

И мы правы. Одинъ и тотъ же актъ можетъ быть и дѣломъ мудрости, и ошибкой, смотря по условіямъ, въ какихъ онъ предпринимается. Послѣ событія не трудно выяснитъ обстоятельства, опредѣлившія его ходъ. Трудно расчитать ихъ предъ событіемъ. Тутъ-то и познается государственный умъ. Былъ ли созывъ собора нотаблей удовлетвореніемъ вѣрно угаданной дѣйствительной потребности страны въ тѣ минуты? Въ общественномъ настроеніи было безпокойное чувство неудовлетворенности, но безъ сознанія какихъ-либо практическихъ мѣръ способныхъ прекратить огульное порицаніе существующаго порядка. Общественное мнѣніе громко чего то требовало, чего-то свободнаго, лучшаго, имѣющаго смѣнить безапелляціонно негодный источникъ всего зла: существующій порядокъ, но чего именно требовало, это оставалось въ густомъ туманѣ отвлеченныхъ идей о естественныхъ правахъ человѣка, верховенствѣ націи, о свободныхъ учрежденіяхъ, истребленіи злоупотребленій и предрасудковъ и т. д.

Общественный говоръ, хотя бы онъ громко заявлялъ себя, какъ общественное мнѣніе, и интересы страны суть двѣ вещи далеко не совпадающія. Благо для страны, когда интересы ея совпадаютъ съ ея общественнымъ мнѣніемъ. Это плодотворные историческіе моменты подъема народнаго духа. *Бываютъ, напротивъ, эпохи замутившагося общественнаго сознанія, разнородныхъ требованій, не считающихся съ дѣйствительностью, въ дѣйствительности неосуществимыхъ, но порождающихъ за то отрицаніе всего существующаго въ дѣйствительности, какъ подлежащаго смѣнѣ. Общество является потерявшимъ голову. Если при этомъ теряетъ голову и правительство, то исходъ одинъ—революціонное крушеніе.*

Починъ въ дѣлѣ созванія нотаблей принадлежитъ Калону. Если быть первымъ виновникомъ Французской революціи есть честь, то честь эта должна принадлежать этому министру.

Что побудило Калона предложить созваніе нотаблей? Игра имѣла

такой расчетъ. Калонъ задумалъ широкій планъ реформъ, имѣвшій, съ одной стороны удовлетворить либеральнымъ идеямъ времени, съ другой покрыть значительный дефицитъ, невѣдомый публикѣ, составлявшій государственную тайну и самая цифра котораго при тогдашнемъ счетоводствѣ не могла быть точно опредѣлена, и возстановить порядокъ въ финансахъ, разстроенныхъ Американскою войной, многочисленными предпріятіями и системой финансовой игры, давшей въ началѣ блестящіе результаты, но въ концѣ грозившей банкротствомъ. Какъ было провести этотъ планъ? Надлежало ждать сильнаго противодѣйствія парламентамъ, находившихся въ постоянной борьбѣ съ правительственными мѣрами. На соглашеніе съ парламентами для Калона не было никакой надежды. Еще въ свѣжей памяти было столкновеніе по случаю займа въ концѣ 1785 года, когда Калонъ одержалъ верхъ и побудилъ короля обратиться къ призваннымъ въ Версаль представителямъ парижскаго парламента со словами: «знайте, что я доволенъ моимъ генералъ-контролеромъ и не потерплю, чтобы возмущеніемъ неосновательнаго безпокойства мнѣ мѣшали въ исполненіи плановъ, направленныхъ ко благу моего государства и облегченію моихъ подданныхъ». Теперь, когда опасенія надлежало признать основательными, Калонъ задумалъ мѣру, которая шла бы навстрѣчу либеральнымъ вожденіямъ общественнаго мнѣнія, сдѣлала бы планъ министра и правительства популярнымъ и побѣдила бы сопротивленіе парламентамъ. Мѣра эта— созваніе нотаблей. Въ обществѣ ходило не мало толковъ о представительствѣ и участіи націи въ правленіи, о парламентѣ по англійскому образцу, объ американской конституціи, но все это были неясныя теоретическія представленія, не сложившіяся въ форму обращеннаго къ правительству практическаго требованія или хотя желанія. Тамъ и сямъ говорилось о собраніи государственныхъ сословій (*états généraux*), какъ формѣ представительства, имѣющей историческіе корни во Франціи; слово упоминалось въ представленіяхъ нѣкоторыхъ провинціальныхъ парламентамъ. Но всякій зналъ, что отмѣна этого рода собраній требовалась установленіемъ неограниченной монархіи послѣднихъ столѣтій. Это было бы шагомъ наперекоръ всѣмъ преданіямъ, завѣщаннымъ Людовику XVI его предшественниками, и едва ли кому приходило въ голову, чтобы король собственнымъ движеніемъ могъ рѣшиться на такой шагъ. Дѣйствительно, Людовикъ XVI былъ, казалось, еще безконечно далекъ отъ этой мысли и склонить его на такое собраніе было бы невозможно. Калонъ нашелъ переходный мостъ въ собраніи нотаблей.

Съ помощію собранія нотаблей онъ хотѣлъ вывести государственный корабль въ открытое море, ловко обойдя подводныя скалы. Вопреки рискованному расчету, корабль, въ силу естественной необходимости, вошелъ въ водоворотъ.

Отсутствіе внутренней правды въ дѣлѣ не замедлило сказаться. Го-

сударственные интересы отошли на задній планъ, дѣйствующими пружинами явились личные и сословные интересы. Задачей собранія, призваннаго поддержать правительство въ его мѣропріятіяхъ, сдѣлалась ожесточенная борьба съ этимъ самымъ правительствомъ въ лицѣ министра, затянувшаго короля въ свое предпріятіе. Расчетъ на поддержку нотаблей оказался громадною ошибкой. Иллюзіей оказался и расчетъ на поддержку общественнаго мнѣнія.

Наиболѣе сочувствія принятой мѣрѣ обнаруживали люди, которыхъ по нынѣшней терминологіи надлежало бы назвать умѣренно либеральными. Эти искренно привѣтствовали шагъ, сдѣланный королемъ, и вѣрили, что собраніе именитыхъ людей выведетъ страну изъ затрудненій.

Заграницей, люди, находившіеся подъ вліяніемъ французскихъ писателей, тогда столь распространенныхъ, такъ же сочувственно отнеслись къ созыву нотаблей, какъ къ мѣрѣ великодушной и либеральной. Сегюръ, находившійся тогда посланникомъ въ Россіи и получившій въ Кіевѣ извѣстіе о рѣшеніи короля, пишетъ въ *Запискахъ* своихъ, (III 71), что императрица Екатерина выразила по этому поводу большое свое удовольствіе, говорила о собраніи нотаблей съ энтузіазмомъ и видѣла въ этомъ собраніи вѣрный залогъ возстановленія финансовъ и укрѣпленія государственнаго порядка. «Не могу», сказала она, «прибрать достаточно похвалъ для молодого короля, становящагося въ сердцѣ Французовъ достойнымъ соперникомъ Генриха IV». „Всѣ иностранцы, находившіеся въ Кіевѣ. къ какой бы націи ни принадлежали, поздравляли меня съ событіемъ“, говоритъ Сегюръ, и со своей стороны прибавляетъ: „счастливые дни, уже не вернувшіеся! сколько благороднѣйшихъ иллюзій увлекали насъ въ это время неопытности!“ Замѣчательно, что отецъ Сегюра, военный министръ, смотрѣлъ на событіе совсѣмъ иными глазами и не сочувствовалъ увлеченію сына. „Я раздѣлялъ искренно, говоритъ по этому поводу Сегюръ-сынъ, блестяція надежды большинства людей моего времени и почти понять не могъ мрачныхъ предчувствій, какія это знаменитое собраніе нотаблей внушало, казалось, моему отцу. Въ письмахъ своихъ онъ только и говорилъ, что о грядущихъ бѣдствіяхъ, которыхъ надо страшиться, и объ общемъ разстройствѣ, сдѣлавшемся почти неизбѣжнымъ“. „Когда король, писалъ онъ мнѣ, спросилъ мое мнѣніе о совѣтуемомъ ему собраніи нотаблей, я умолялъ его взвѣсить послѣдствія такого рѣшенія, ибо въ настоящее время, когда всѣ умы въ такомъ броженіи, собраніе нотаблей должно сдѣлаться лишь зародышемъ собранія сословныхъ представителей (n'être que de la graine d'états généraux). А кто можетъ исчислить теперь всѣ послѣдствія, которыя отъ него произойдутъ“. „Событія оправдали предсказанія стараго министра, но мнѣ тогда казались они продиктованными духомъ рутины и предрассудковъ, опасаящимся всякаго нововведенія, даже полезнѣйшаго“.

Отзывъ Сегюра-отца заслуживаетъ всякаго вниманія. Собраніе нотаблей при тогдашнемъ настроеніи не могло быть ничѣмъ инымъ какъ первымъ шагомъ къ собранію *выборныхъ* представителей, быть, какъ выразился Сегюръ-министръ, „зерномъ собранія сословныхъ представителей“, совершившаго революцію. При возбужденномъ и неспокойномъ состояніи „мнѣнія“, когда все куда-то стремилось, не давая яснаго отчета куда именно, могло ли его удовлетворить созваніе нотаблей изъ высшихъ классовъ съ совѣщательнымъ голосомъ, „имѣющее, какъ выражается г-жа Сталь (*Consid. sur la rév. franc. Oeuvres*, XII, 121. Paris, 1820), одно право высказывать королю свои мнѣнія на вопросы, какіе министры сочтутъ удобнымъ имъ предложить“? „Ничего, продолжаетъ г-жа Сталь, нельзя было неудачнѣе придумать въ эпоху, когда умы были такъ возбуждены, какъ это собраніе людей, которыхъ все дѣло ограничивается тѣмъ, чтобы говорить. Мнѣніе возбуждается тѣмъ болѣе, что ему не дается исхода“. Такъ въ ту эпоху, нѣтъ сомнѣнія, разсуждало огромное большинство. Но *исходъ* мнѣнію былъ именно данъ. Правительство, хотя и съ особымъ разсчетомъ, но вмѣстѣ и въ удовлетвореніе „мнѣнія“, устроило само, въ той ли, другой ли формѣ, національное собраніе, не вызывавшееся необходимостію минуты. Вступивъ на этотъ путь удовлетворенія мнѣнію, остановиться было уже нельзя. Между тѣмъ требовалось не то что удовлетвореніе мнѣнія; требовалось овладѣть этимъ мнѣніемъ. На это у правительства не достало способности и силы. Ближайшею задачей было выйти побѣдителемъ изъ борьбы съ непокорными парламентами, и заняться улучшеніемъ финансоваго положенія. Съ этими нелегкими задачами правительство оказалось неспособнымъ справиться и отдало страну на волю всѣхъ вѣтровъ.хлопоты объ удовлетвореніи „мнѣнія“ въ такую эпоху, когда власть поколебалась—это означало безсиліе, и не могло не считаться какъ уступка, первая уступка, необходимо ведущая за собою вторую. Обращается правительство къ націи, созываетъ соборъ лучшихъ людей. Тотчасъ рождается требованіе, зачѣмъ созывъ происходитъ не по выбору самой націи. Это де не истинные представители. Съ такимъ представительствомъ стыдно де идти на сравненіе съ англійскимъ парламентомъ. Громче и громче становится рѣчь, обращающаяся наконецъ въ общій кликъ о созваніи *выборныхъ* чиновъ. Уступаетъ правительство. Созываются чины. Удовлетворяется ли этимъ „мнѣніе“? Напротивъ, требованія растутъ. Прежняя сословная форма подобныхъ собраній должна де быть отмѣнена. Собраніе чиновъ обращается въ національное собраніе съ задачей дать странѣ конституцію. Предлагается конституція по образцу англійской. „Мнѣніе“ ее отвергаетъ какъ неудовлетворительную и недостаточную. Дѣло кончается полнымъ перемѣщеніемъ власти, республикой, конвентомъ и терроромъ...

Предшествующія страницы писаны были въ эпоху, явственно грозившую у насъ сдѣлаться революціонною. Само собою напрашивалось сравненіе событій. Оно выражено въ слѣдующихъ строкахъ. Такъ какъ первыя статьи „Противъ теченія“ изложены были въ формѣ бесѣды двухъ лицъ, то и слѣдующія слова вложены были въ уста автора, обращающагося къ своему пріятелю.

Авторъ. Ты догадываешься, полагаю, по какой причинѣ стараюсь я особенно остановиться на неизбѣжности революціи, вслѣдствіе шага сдѣланнаго французскимъ правительствомъ въ 1787 году. Мы только что пережили моментъ представляющій нѣкоторое сходство съ тѣмъ, какой рѣшилъ судьбу королевской власти во Франціи. Насъ усиленно, чрезъ агитацію печати, интриги въ правительственныхъ сферахъ, смущеніе общественнаго мнѣнія, разложеніе университетовъ (оригинальный приемъ исключительно принадлежащій нашему „движенію“) приглашали на путь, долженствовавшій необходимо вести къ революціи. Партія, которая у насъ зоветъ себя либеральною, присвоиваетъ себѣ неточное названіе. Точное для нея названіе—партія государственнаго переворота, попросту, революціонная. Конечно, дѣйствующія въ ея интересѣ лица далеко не всѣ революціонеры, даже большинство вовсе не революціонеры, по крайней мѣрѣ никакъ не чувствуютъ себя таковыми. Но дѣйствовать въ интересѣ данной партіи значить, хотя бы и косвенно, къ ней принадлежать. Одно изъ главныхъ нашихъ золь то, что люди сановные, власть имѣющіе, въ совѣтахъ участвующіе, у насъ перѣдко суть люди скуднаго ученія, а потому къ дѣлу, требующему серіозныхъ усилій развитаго ума, неспособные, а простой смыслъ, остающійся въ кругѣ немногочисленныхъ, но ясныхъ и здравыхъ понятій, утратившіе; о послѣднихъ словахъ науки и политической мудрости поучающіеся изъ фельетоновъ и статей, популяризирующихъ якобы выводы цивилизаціи. Въ туманѣ жалкаго умничанья легіоны людей, утратившихъ способность мыслить самостоятельно, но мнящихъ себя представителями интеллигенціи чиновной, учебной, судебной, проглядываютъ, что дѣло идетъ не о теоретическихъ вопросахъ о значеніи власти, или участіи народа въ дѣлѣ управленія, а о вопросѣ весьма практическомъ—революціонной программѣ, направленной противъ нашего отечества, имѣющей цѣлью его ослабленіе и разложеніе. Программа эта не тайна. Послѣ періода „хожденія въ народъ“, окончившагося неудачей, революціонная партія, какъ сама заявила, вступила на поприще политической дѣятельности. Она сосредоточила силы на правительственныхъ сферахъ, не скрываясь поставила своею цѣлью покушенія на правительственныхъ лицъ и на главу государства терроризовать правительство и направить всѣ усилія на „перемѣну государственнаго строя“ въ Россіи. Началось „конституціонное движеніе“. „Дайте конституцію, и мы стрѣлять не будемъ“, говорили нелегальные. „Дайте конституцію; они стрѣлять не будутъ“, ежедневно подтверждали

легальные. Даже не конституцію. Партія не скрывала, что каждый шагъ, къ этой цѣли направленный, какъ бы скромнѣе въ началѣ ни былъ, она зачтетъ въ свое приобрѣтеніе. Нельзя отрицать, что въ „политической“ своей дѣятельности партія имѣла большую удачу. Ея интересы вступили въ союзъ съ ея же раздуваемыми якобы „либеральными“ стремленіями. На приманку общаемыхъ правъ и якобы свободы въ разныхъ формахъ пошло не мало умовъ, въ игрѣ не участвующихъ. Развилось политическое легкомысліе, котораго главный признакъ неумѣнье различать теоретическую приманку отъ дѣйствительнаго интереса. Забвеніе дошло до неумѣнія понять, что *ограниченіе власти. въ эпоху, когда требуется вся ея энергія и когда въ отсутствіи этой энергіи все несчастіе*, было бы шагомъ самымъ пагубнымъ. Истинный, неотложный интересъ минуты не въ осуществленіи чужихъ плановъ, не въ удовлетвореніи таящихся честолюбій, жадно разбѣгающихся рты на яблоко власти, распатанной на всѣхъ путяхъ, а въ восстановленіи исчезнувшей идеи обязанности, устраненіи вопіющихъ злоупотребленій въ дѣйствіи всяческихъ учреждений и старыхъ и новыхъ. *Главный обманъ будто дѣло идетъ не объ ослабленіи власти, а о вѣнцѣ ея укрѣпленіи.* Примѣръ французской революціи весьма поучителенъ для разъясненія и этого обмана. Явно, шагъ за шагомъ власть отнималась у монарха, а между тѣмъ продолжали пышно говорить о возвышеніи королевскаго достоинства и укрѣпленіи трона силою народной признательности за даруемые якобы вольности.

Когда революціонное движеніе наше, еще недавно такъ ничтожное по собственнымъ силамъ, *слилось на практикѣ въ одинъ потокъ съ „конституціоннымъ“, оно приобрѣло небывалую силу.* Въ странѣ образовалась дѣйствительно сильная партія переменъ государственнаго строя. Государство велось на путь неизбежно революціонный. Увѣрялось, что этимъ будто бы способомъ истребится крамола и указывалось на мнимое умиротвореніе. Между тѣмъ никогда крамола не дѣлала такого шага впередъ какъ въ эти тринадцать мѣсяцевъ умиротворенія.

Настойчивый обманъ произвелъ такую умственную сбивчивость, что самые поразительные аргументы остаются безъ дѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, *какъ возможно, спрашивается, чтобы и крамола и истребители крамолы могли разсчитывать достигъ своихъ противоположныхъ цѣлей однимъ и тѣмъ же средствомъ.* Вѣдь эта задача не легче той, какъ въ одномъ и томъ же вагонѣ ѣхать заразъ въ двѣ стороны—и въ Петербургъ и въ Москву. Что-нибудь одно—или „движеніе“ должно служить къ торжеству крамолы и слѣдовательно уже никакъ не къ ея истребленію, или къ торжеству ея истребителей и слѣдовательно никакъ не быть ей желанной. Между тѣмъ оказывается и то и другое. Кто обманываетъ и кто обманутъ? Можетъ быть обманывается крамола, непредусмотрительно дающаяся въ сѣти. Сомнительно, ея шаги до сихъ поръ такой наивности не показываютъ. Обманываются значить

ея якобы истребители. Сомнительно и это, по крайней мѣрѣ для немалой части. въ ихъ первыхъ рядахъ находится „пресса“; она въ послѣднее время дошла до такой виртуозности въ приемахъ обмалыванія другихъ, что едва ли пойдетъ на грубую удочку. Какъ же выйти изъ этихъ противорѣчій? Исходъ, кажется, одинъ: допустимъ, что крамола и ея якобы истребители суть совокупныя орудія дѣйствія. Достиженію цѣлей крамолы помогаютъ истребители, для цѣлей истребителей полезна крамола. Но орудіе не есть что-либо самостоятельное, и если обѣ стороны суть только орудія, то должно быть третье, управляющее, для чего онѣ служатъ орудіями. Это третье есть нѣкоторый планъ противонаціональный, противорусскій. Кто управляетъ имъ—не знаю. Но онъ дѣйствуетъ и явно и скрытно. Явнымъ орудіемъ онъ имѣетъ крамолу, скрытымъ то, что принято нынѣ именовать якобы либеральною партіей. Скрытое дѣйствіе творится въ двухъ формахъ: отчасти съ сознаниемъ тѣхъ кто дѣйствуетъ, отчасти и можетъ-быть главнымъ образомъ безъ яснаго сознаванія, часто вовсе безъ сознанія, со стороны тѣхъ, которые даютъ увлечь себя теченіемъ. Обману удалось отчасти овладѣть „мнѣніемъ“. Дѣйствіями, доставляющими популярность, вызывающими хваленія, предъ чарами которыхъ многіе не въ силахъ устоять, сдѣлались такіа, которыя направлены на пользу плана и его орудій. Составлены рецепты какимъ должны слѣдовать судья, профессоръ, сановникъ, чтобы стяжать похвальный листъ и найти дѣйствительную поддержку въ цѣломъ лагерѣ. Появилось дѣленіе, нелѣпое въ самомъ себѣ, но дающее отмѣтку—на какихъ-то консерваторовъ и якобы либераловъ. Можно было дивиться зрѣлицу партіи противной существующему строю, оппозиціонной по существу и вмѣстѣ правящей. Въ весьма существенномъ „либеральная партія“ находила союзниковъ въ противномъ ей лагерѣ. Люди доктринерствующіе, для которыхъ всего дороже усвоенныя ими схемы, которые на дѣйствительность могутъ смотрѣть только какъ на матеріалъ для приложенія этихъ схемъ, увѣренные, что дѣло остановится именно тамъ, гдѣ требуетъ теорія, и не осмѣлится ей не подчиниться,—не могли устоять противъ приманки умничанія и выступали съ рекомендаціей своихъ схемъ, не замѣчая, что выходя съ противоположной стороны, указывали на тотъ же исходъ, какого добивались противники. Промыселъ Божій спасъ насъ до сихъ поръ отъ шага, который, при современныхъ условіяхъ, могъ бы оказаться роковымъ, какъ роковымъ было созваніе нотаблей во Франціи при условіяхъ 1787 года.

Пріятель. Аминь.

И друзья, и враги политическаго крушенія Франціи въ исходѣ прошлаго вѣка одинаково свидѣтельствуютъ, что вопросъ быть или не быть революціи былъ утвердительно рѣшенъ чрезъ собраніе нотаблей. Есть книга.

Апология французской революции в ответъ на нападки Бурка. писанная Макинтошемъ и изданная въ 1791 году на англійскомъ языкѣ. У меня подъ руками ея французскій переводъ съ третьяго изданія, вышедшаго въ Парижѣ въ 1792 году (*Apologie de la révolution française par Jacques Mackintosh, Paris, 1792*). Авторъ, разбирая событія съ точки зрѣнія приверженцевъ революціи, говоритъ (стр. 21): „Собраніе нотаблей не замедлило дать достопамятное свидѣтельство опасности для деспотизма всякаго рода общественныхъ соборовъ, хотя бы не облеченныхъ властію. Нотабли уничтожили своего создателя (Калона). Поверхностные наблюдатели не усматривали въ этомъ паденіи чего-либо важнаго. Проницательные умы видѣли, что все уже было сдѣлано.

Когда въ странѣ распространено, отъ тѣхъ или друиыхъ причинъ, недовольство существующимъ порядкомъ, а власть въ то же время слаба, то для правительства нѣтъ ничего опаснѣе представительныхъ собраній и ничего нѣтъ выгоднѣе для революціи. Недовольство и такъ ходитъ по землѣ. Требуется ли собрать его во едино, дать ему кровъ, одѣтъ, накормить его?

Въ подобныя эпохи всякая общественная сила, всякое корпоративное учрежденіе имѣетъ стремленіе стать въ оппозицію иногда столь сильную, что она заставляетъ забывать свои истинные интересы. Необходимо стать въ оппозицію и общее представительное собраніе, созванное ли, выборное ли; сокрушеніе существующей власти сдѣлается первою задачей.

Въ такія эпохи человекъ, преданный родинѣ, если убѣжденіе говоритъ ему, что сокрушеніе существующей власти, передача ея въ другія руки будутъ пагубны для страны, долженъ направлять усилія насколько отъ него зависитъ къ тому, чтобы поднялось значеніе власти, чтобы существующее правительство стало достойно своего званія. Смысль имѣющіе правительственные люди должны стремиться къ тому, чтобы исчезло недовольство, остановилось требованіе; они должны искать элементовъ, на которые правительство могло бы опираться, чтобы подняться въ значеніи. Тутъ всего опаснѣе для правительства путь уступокъ якобы общественному мнѣнію, а на дѣлѣ тѣмъ, кто орудуетъ имъ въ видахъ перемѣщенія власти.

Не много пользы принесло собраніе именитыхъ людей для устраненія государственныхъ золъ страны. Изъ рѣчи Бріена можно усмотрѣть, что главный вопросъ, рѣшеніе котораго подвинулось преніями собранія, былъ вопросъ объ устройствѣ земскихъ учреждений въ формѣ провинціальныхъ собраній, скоро получившихъ осуществленіе. Подвинулось также рѣшеніе вопросовъ о натуральной повинности, уничтоженіи внутреннихъ таможенныхъ сборовъ и отмѣнѣ соляного налога. Но капиталный вопросъ, о мѣрахъ къ устраненію дефицита, остался открытымъ. Цѣль, для которой собраны были нотабли, не была достигнута. Собраніе осталось безъ результата.

Результатъ былъ, и при томъ великой важности. То неопредѣленное возбужденіе, какое было въ обществѣ предъ соборомъ, получило опредѣ-

Форму. и форму эту дало само правительство. Лафайетъ писалъ къ одному пріятелю въ Америку, что собраніе нотаблей дало странѣ „примѣту думать объ общественныхъ дѣлахъ“. Много и прежде говорилось о націи и ея правахъ. Это неясное противоположеніе націи и правительства, шагъ, сдѣланный Калонемъ, обратилъ въ дѣйствительное роковое раздвоеніе, окончившееся неизбѣжнымъ крушеніемъ. Нація была признана, но въ такую минуту и при такихъ условіяхъ, что она явилась какъ нѣкоторая сила, противостоящая правительству. Соборъ именитыхъ людей, какъ, увы! нетрудно было предвидѣть, оказался въ оппозиціи. Оппозиціонное настроеніе, бывшее въ этомъ распатанномъ обществѣ явленіемъ наиболѣе распространеннымъ и популярнымъ, могло имѣть официальное государственное выраженіе только въ парламентахъ. Насколько настроеніе это было сильно, тому свидѣтельствомъ служить именно тогдашняя популярность парламентовъ. Едва окончилась ихъ оппозиціонная роль, они мгновенно въ глазахъ общественнаго мнѣнія остались не болѣе какъ ненавидимыми учрежденіями стараго порядка и декретомъ національнаго собранія были сметены въ мигъ, при рукоплесканіяхъ общественнаго мнѣнія. Во сколько же разъ должна была увеличиться сила оппозиціоннаго настроенія, когда собраніе именитыхъ людей, изъ классовъ, считавшихся главною опорой власти, явилось въ оппозиціи съ правительствомъ? Власть призвала ихъ какъ выразителей націи. Они стали противъ власти. Значить интересы власти и интересы націи не одни и тѣ же. Вся дальнѣйшая исторія обратилась въ борьбу власти съ „націей“. Но нотабли не суть еще истинные выразители націи, и сами таковыми себя не сознавали. Истинные выразители суть выбранные представители сословій, états généraux.

Требованіе созванія представителей обратилось въ общій кликъ, соединивъ на себѣ всю совокупность оппозиціонныхъ стремленій, то есть громадное большинство страны. Не много пройдетъ времени, и представители сословій окажутся не истинными представителями націи. Депутаты дворянства и духовенства, какъ сословные, не представляютъ де націи. Нація не знаетъ де сословій. Мало-по-малу окажется, что нація есть группа интеллигентныхъ разночинцевъ, захватывающая власть и деспотически господствующая надъ милліонами. Такъ катится внизъ колесница, необдуманно пущенная рукою самоувѣреннаго министра.

II. Извлеченіе изъ очерка третьяго: борьба высшихъ классовъ съ Правительствомъ.

Опытъ съ нотаблями показалъ, что при тогдашнемъ общественномъ настроеніи ничто не могло такъ разсчитывать на общую поддержку, какъ оппозиція правительству. Нотабли, собравшіеся при недовѣрчивомъ къ нимъ отношеніи общественнаго мнѣнія, разошлись въ сѣяніи популярности именно потому, что обозначилось ихъ противодѣйствіе правительству, а пріобрѣсти популярность, значило пріобрѣсти силу. Это обстоятельство намѣтило дальнѣйшій образъ дѣйствія парламентовъ и обратило ихъ болѣе или менѣе сдержанную оппозицію въ страстную борьбу. Наступилъ періодъ прямыхъ столкновеній. *Явилось пагубное раздѣленіе власти на двѣ враждующія стороны, вступающія въ битвы, входящія въ договоры.* Съ одной король съ его совѣтами и министрами, съ другой нація, не имѣющая живаго выраженія, но именемъ которой хочетъ дѣйствовать каждая сила въ странѣ, могущая противодѣйствовать правительству. На первомъ планѣ парламенты, но, какъ увидимъ, далеко не одни парламенты. Скоро въ роли сопротивляющихся явятся дворянство, духовенство. Наступаетъ періодъ страстей съ ихъ своеобразною логикой, совершенно отличною отъ логики сужденій. Первенствующія силы страны—всѣ дѣйствуютъ противъ истинныхъ своихъ интересовъ, подготавливая свое крушеніе къ торжеству силы, медленно выступающей, почти еще незамѣтной, въ эпоху, которую разсматриваемъ. Эту силу мы назвали иптеллигентнымъ разночинствомъ (будущее якобинство). *Главная характеристика ея въ томъ, что она не имѣетъ собственно вклада въ общемъ дѣлѣ, своей доли въ политическомъ капиталѣ, но чувствуетъ себя въ роли ходатая по чужимъ дѣламъ, адвоката въ обширномъ смыслѣ, живущаго чужими тягбами.*

Ходатаевъ этихъ уже можно тамъ и сямъ замѣтить въ годы, предшествовавшіе революціи. „Въ 1788 году, говоритъ Малле дю-Панъ, я слышала, какъ Марать на публичной прогулкѣ читала и поясняла *Contrat social* при рукоплесканіяхъ восторженныхъ слушателей“. (Sainte-Beuve, *Caus. de lundi*. IV, 363. Paris 1855, статья о Малле дю-Панѣ).

Знамя мятежа поднимаютъ, но ироніи судьбы, тѣ группы и классы, которыхъ первыя унесетъ революція. Правительство въ борьбѣ съ ними не усматриваетъ, съ какой стороны горизонта идетъ гроза, слѣшитъ ей навстрѣчу и ускоряетъ ея приближеніе. Александръ Ламетъ, членъ Національ-

наго Собранія, говоритъ въ своей исторіи Конституанты (*Hist. de l'assembl. const.*; цитата въ *Mém. de Mirabeau*, VI. 24): «Кто приучилъ народъ собираться толпами и оказывать сопротивление? Парламенты. Кто въ провинціяхъ обнаружилъ наиболѣе вражды противъ королевской власти? Дворянство. Кто обнаружилъ наиболѣе упрямства въ отказѣ придти на помощь государственному казначейству и наиболѣе употребилъ лукавства, чтобъ ускользнуть отъ общей тяготы? Духовенство. Такимъ образомъ парламенты, дворянство, духовенство и только парламенты. дворянство и духовенство, вотъ кто на дѣлѣ объявилъ войну правительству и подалъ знакъ къ возстанію; народъ былъ только пособникомъ».

То же самое отъ лица, можно сказать, самой революціи говоритъ Камилъ Демуленъ въ „рѣчи о политическомъ положеніи націи, произнесенной въ обществѣ друзей конституціи 21 октября 1791 года“.

„Да, господа, для того, кто какъ я три года посвятилъ всѣ свои мысли революціи, слѣдиль ея не издали, а на мѣстѣ, вовсе не парадоксъ, что народъ нисколько ея не требовалъ, что онъ не шелъ на-встрѣчу свободѣ, а его вели... Чтобы здраво судить о нашемъ политическомъ состояніи, не должно терять изъ виду, что сколь ни много обяваны мы основателямъ нашей свободы, неспособность и грубыя ошибки аристократовъ уже такъ высоко вывели ея фундаментъ, что искусству патріотовъ ничего почти не оставалось дѣлать. Вспомните, господа, неспособность визиря Вержена, утѣснителя Женевы и освободителя Америки, заставившаго нашихъ солдатъ переѣхать океанъ, чтобы, простите за выраженіе, ткнуть ихъ носомъ въ объявленіе правъ. А визирь Калонъ, столь, впрочемъ, тонкій, на которомъ теперь вертится контръ-революція, не онъ ли, среди общаго крика противъ его грабительства, далъ націи точку соединенія въ собраніи нотаблей? А визирь Бриенъ развѣ не далъ обѣщанія созвать сословныхъ представителей въ отвѣтъ на предложеніе безсмысленное (*stupide*) въ устахъ Эпремениля, яростнѣйшаго изъ аристократовъ? Кто не видитъ, что именно аристократы за руку привели къ возстанію равнодушный народъ. Наконецъ, и этотъ другой столбъ аристократіи безумный баронъ Коппетъ (Неккеръ), развѣ не двинулъ двойнымъ представительствомъ средняго сословія со всею силою въ минуту, когда *Общественный договоръ* (*Contrat social*) былъ у всѣхъ въ рукахъ... Корни нашей свободы аристократическіе. Парижскій народъ былъ только орудіемъ революціи». (*Cœur, de Cam. Desmoulins*, II, Paris 1874)..

Замѣчательно, что самое слово *аристократія*, сдѣлавшееся потомъ такимъ страшно обвинительнымъ наименованіемъ въ противоположность *патріотамъ*, было въ первый разъ въ обличительномъ смыслѣ употреблено правительствомъ и вложено въ уста королю. Въ отвѣтъ на представленіе парламента 17 апрѣля 1788 г. король говоритъ: „Если бы парламентское большинство могло насиловать мою волю, то монархія стала бы *аристо-*

кратіей судебныхъ властей, столь же противною интересамъ націи, какъ и верховной власти“. (*Arch. Partem.* I, 284). „Судьи, говоритъ Прюдомъ (*Hist. des révol.* I, 101; Paris, 1824), обвиняли министровъ въ деспотизмъ, министры бросили имъ упрекъ въ аристократіи, и упрекъ этотъ, столь часто потомъ повторявшійся, въ первый разъ вышелъ изъ устъ короля“. Подобнымъ образомъ, революціонное наименованіе *король Французовъ* вмѣсто *короля Франціи* дано Французскому монарху духовенствомъ. Представленіе свое (Еггерсъ, IV, 116) отъ 15 іюня 1788 года заключаетъ духовенство словами: «Слава вашего величества не въ томъ, чтобы быть королемъ Франціи, но въ томъ, чтобы быть королемъ Французовъ; сердце вашихъ подданныхъ лучшее изъ вашихъ владѣній».

Послѣ распущенія нотаблей всѣ ожидали (Lacretelle, *Histoire* VI, 72), что Бріенъ устроитъ королевское засѣданіе Парижскаго парламента для внесенія въ сводъ законовъ всѣхъ разсматривавшихся въ собраніи нотаблей правительственныхъ предложеній съ тѣми измѣненіями, какія найдено будетъ возможнымъ допустить. Въ особенности это было важно для поземельнаго налога, имѣвшаго коснуться привилегированныхъ классовъ. Въ засѣданіяхъ такого рода, по выслушаніи мнѣній, рѣшенія постановлялись волей короля, тогда какъ при обычномъ теченіи дѣлъ парламента, въ случаѣ усмотрѣнныхъ затрудненій, останавливали занесеніе закона и дѣлали свои представленія. Чтобы побѣдить сопротивленіе, правительство прибѣгло къ формѣ королевскаго засѣданія, носившей наименованіе *lit de justice*. Въ засѣданіи такого рода король безъ преній объявлялъ призванному въ его присутствіе парламенту свою волю, и законъ немедленно заносился въ сводъ. Бріенъ избралъ путь обыкновенныхъ засѣданій и внесъ прежде всего постановленія о провинціальныхъ собраніяхъ, о натуральной повинности и о хлѣбной торговлѣ. Постановленія были занесены безъ сопротивленія. Парламентъ высматривалъ непріятеля. Затѣмъ Бріенъ внесъ постановленіе о гербовомъ налогѣ, касавшемся всѣхъ классовъ. Это повело къ первой стычкѣ. Парламентъ, предварительно внесенія, потребовалъ сообщенія росписи доходовъ и расходовъ. Было отвѣчено, что предметъ этотъ разсматривался нотаблями и не входитъ въ кругъ занятій парламента. Это было сигналомъ къ рѣшительному дѣйствию.

Особенно замѣчательна система борьбы, неожиданно принятая Парижскимъ парламентомъ. Парламентъ объявилъ, что онъ не въ правѣ вносить въ сводъ законовъ постановленія о налогахъ. Для утвержденія налога, говорилъ онъ, требуется согласіе націи въ лицѣ сословныхъ представителей, и если парламентъ доселѣ заносилъ такого рода постановленія въ сводъ, то дѣлалъ это неправильно, въ уступку вѣдѣніямъ власти. Такимъ образомъ, для успѣха борьбы парламентъ отказывался отъ всего своего проплага. Этотъ маневръ, которымъ была куплена популярность, — такъ что, по выраженію Мирабо, Франція непостижимымъ образомъ сдѣлалась

парламентскою. — Некоторые современные свидѣтели называли прямо непонятнымъ. другіе усматривали въ немъ расчитанный ходъ. «Трудно понять, говорить Безанваль (*Mém. ed. Barrière, 301*), какой былъ мотивъ подобнаго постановленія парламента, ибо парламентъ съ давнихъ временъ, во всѣхъ случаяхъ, подъ предлогомъ защиты народа, всегда искалъ какъ бы вмѣшаться въ управленіе; а тутъ, повидимому, принижалъ себя, требуя собранія сословныхъ представителей, которое уничтожало его власть». То же постановленіе Бертранъ Молевиль (морской министръ Людовика XVI въ 1791 году, а предъ революціей интендантъ въ Бретани, *Mémoires, Paris, 1823, стр. 18*) называетъ „непостижимою ошибкой парламентовъ“ (*faute à jamais inconcevable que firent les parlements*).

Представленіе Парижскаго парламента Королю 24 Юля 1887 г. заслуживаетъ большаго вниманія по тому тону, съ какимъ парламентскіе вожаки сочли возможнымъ обратиться къ верховной власти въ странѣ съ неограниченнымъ монархическимъ правленіемъ. *Возможность такого тона—одно изъ яркихъ свидѣтельствъ паденія власти*. Представленіе это находимъ въ сборникѣ Эггерса (II, 418 стр., въ *Arch. Parlem.* его нѣтъ).

Представленіе парламента отличается духомъ высокоумнаго поученія, производящаго особенное впечатлѣніе, если вспомнимъ, что оно идетъ отъ парламентской молодежи, юныхъ совѣтниковъ, считающихъ себя мужами Плутарха, увлеченныхъ желаніемъ борьбы съ „деспотизмомъ“, не грозившей имъ при слабости правительства никакой серьезною опасностію, но давшей популярностъ, сдѣлавшуюся въ ту эпоху главною приманкой для честолюбій всякаго рода.

„Государь, говорится въ представленіи, вашъ парламентъ повергаетъ къ подножію трона и свои почтительныя моленія, и справедливыя тревоги народовъ. Одно прочтеніе объявленія о гербовомъ сборѣ поразило его глубокимъ смущеніемъ. Послѣ пяти лѣтъ мира, послѣ постепеннаго увеличенія доходовъ на сто тридцать милліоновъ менѣе чѣмъ въ тринадцать лѣтъ, казалось бы самое слово налоги не должно быть произносимо благодушнымъ монархомъ какъ развѣ для того, чтобы смягчить ихъ тягость или уменьшить число. И между тѣмъ въ эту-то эпоху, государь, возвѣщаютъ намъ о новыхъ налогахъ и предлагаютъ одинъ изъ разорительнѣйшихъ. Первое рождающееся размышленіе спросить: да какое же нынѣшнее состояніе финансовъ? Каково же должно быть послѣднее управленіе, если зло, котораго оно источникъ, требуетъ подобнаго средства? Ваше Величество, припомните, съ какой точки зрѣнія представляли вамъ въ 1784 и 1785 годахъ состояніе казны! Казалось, или точнѣе хотѣли показать, что близко время освобожденія отъ обязательствъ, а между тѣмъ никогда казна не была такъ обременена долгами. Парламентъ дѣлалъ тщетныя

усилія вывести истину на свѣтъ. Но было слишкомъ много интереса скрывать ее отъ вашего величества. Всѣ представленія парламента были бесполезны. Умѣли даже внушить вашему величеству сомнѣнiе относительно чистоты его намѣренiй. Избытокъ зла вынудилъ, наконецъ, изслѣдовать его размѣры. Нотабли, созданные по повелѣнiю вашего величества, приподняли завѣсу, которая скрывала эту администрацію. Тотчасъ всѣмъ глазамъ представилось страшное зрѣлище. Открылась громадная пустота. Стали искать какъ бы ее наполнить... Таково, государь, послѣдствiе претящихъ общему чувству (*qui semblent contredites par un sentiment universel*) назначенiй въ управленiи, для котораго чистѣйшiя руки и тѣ недостаточны... Таковъ великiй, но печальный примѣръ, указывающiй государямъ, до какой степени должны они уважать общественное мнѣнiе, рѣдко могущее ошибаться, ибо рѣдко люди въ совокупности (*les hommes rassemblés*) обнаруживаютъ или получаютъ впечатлѣнiя противныя истинѣ“.

Подобно нотаблямъ, парламентъ указываетъ на сокращенiе расходовъ, какъ на главное средство исправленiя финансовъ, и съ упрекомъ обращается къ королю. „Еслибы Ваше Величество знали истинное состоянiе финансовъ, нѣтъ сомнѣнiя, не предприняли бы этихъ громаднхъ построекъ, не дозволили бы разорительнхъ даровъ, прикрытхъ именемъ обмѣновъ; въ особенности не потерпѣли бы ужасающей легкости бланковъ (*acquits-comptant*), этого смертельнаго яда всякой администраціи“. Общанное сокращенiе на сорокъ милліоновъ и на парламентъ не произвело ожидавшагося впечатлѣнiя. „Вмѣсто предложеннхъ сорока милліоновъ, Ваше Величество легко могли бы довести сокращенiе до двойнаго количества“. Намекается, главнымъ образомъ, на издержки двора. „Есть, Государь, почтенная экономiя, царскiя лишенiя, которыя не только не уменьшаютъ блеска трона, но еще увеличиваютъ его достоинство. Монархъ всегда великъ, когда подданные счастливы, и зрѣлище счастья цѣлаго народа есть самая внушительная пышность, повсюду возбуждающая удивленiе и признательность. Этихъ реформъ, сокращенiй, о коихъ столько разъ ходатайствовали ваши парламента, коихъ требовали нотабли и кои были обѣщаны ихъ справедливой настойчивости, ждетъ несчастный земледѣлецъ, орошающiй слезами свои поля, содѣйствующiй столькимъ бесполезнымъ тратамъ, прежде чѣмъ доставить средства существованiя сѣющему. Ихъ ждетъ рабочiй, еще болѣе несчастный, имѣющiй только руки для себя и семьи, лишенный необходимаго, берущiй со своей бѣдности, чтобъ удовлетворить нуждамъ государства. Государь, эти несчастные—Французы, они люди!..“

Любопытенъ этотъ тонъ задора и преувеличенiй въ декламацияхъ партiи парламентской молодежи. Правительственный замыселъ состоитъ въ томъ, чтобы, не отягчая низшiе классы, наложить нѣкоторыя тягости на

зрѣя легированныя сословія. Борьба парламента была въ сущности борьба за присвоенныя права и за привилегіи. Съ точки зрѣнія либерализма, правительство, вступившее, къ тому же весьма серьезно, на путь экономіи, было несравненно либеральнѣе парламентовъ. И между тѣмъ оно было предметомъ поруганія, тогда какъ парламенты превозносились. Весь интересъ сосредоточивался на борьбѣ съ правительствомъ.

Осторожно переходить парламентъ къ главному пункту представленія, редижированному партией благоразумія. Людовикъ XIV, указываетъ парламентъ, ввелъ налогъ—сборъ одной десятой (*dixième*). Парламентъ занесъ этотъ налогъ въ сводъ, принявъ въ соображеніе, что онъ долженъ имѣть лишь временное значеніе, а положеніе государства не допускало отсрочки. „Иначе онъ сказалъ бы (сомнительно, чтобы сказалъ при Людовикѣ XIV, который входилъ въ парламентъ въ охотничьемъ костюмѣ и съ хлыстомъ въ рукахъ и приказывалъ заносить свои распоряженія), что только нація, созванная въ собраніе сословныхъ представителей (*réunie dans les états généraux*) можетъ дать необходимое согласіе для постояннаго налога, что парламентъ не имѣетъ права замѣнять это согласіе своимъ, а еще менѣе свидѣтельствовать о такомъ согласіи, когда ничто его не подтверждаетъ. Уполномоченный государемъ возвѣщать его волю народамъ, онъ никогда не былъ уполномоченъ народомъ замѣщать его собою. Вотъ, что парламентъ беретъ почтительную свободу высказать Вашему Величеству... Только нація, ознакомленная съ истиннымъ положеніемъ финансовъ, можетъ искоренить великія злоупотребленія и доставить великіе ресурсы. Вамъ, государь, было предоставлено возобновить національныя собранія, возвеличившія царствованіе Карла Великаго, изгладившія несчастія короля Іоанна, содѣйствовавшія вмѣстѣ съ парламентомъ возстановленію Карла VII на тронѣ. Нотабли приготовили націю къ возстановленію права великой и благородной цензуры, какую она столь часто обнаруживала по отношенію къ самой себѣ и къ тѣмъ невѣроятнымъ жертвамъ (*rag un monarque sensiuile*) и требуютъ дѣйствительною нуждой. Парламентъ думаетъ, что пришла минута высказать предъ Вашимъ Величествомъ желаніе, продиктованное чистѣйшимъ усердіемъ. Да, Государь, монархъ Франціи никогда не можетъ быть такъ великъ, какъ посреди своихъ подданныхъ. Нечего опасаться избытка ихъ любви, нечего брать предосторожности противъ предложеній, которыя были бы выше средствъ исполненія. Всѣ выиграютъ отъ такого созыва. Въ ожиданіи счастливой и желанной минуты, когда Ваше Величество удостоитъ оказать это благодѣяніе націи, вапъ парламентъ умоляетъ съ самою почтительною и живѣйшею настойчивостію отмѣнить объявленіе о гербовомъ сборѣ, совершенно недопустимомъ, одно извѣщеніе о которомъ произвело общее огорченіе въ королевствѣ, а исполненіе повергло бы въ трауръ“.

Король при представленіи перваго президента высказалъ свое огор-

чение и хотѣлъ дать рѣзкій отвѣтъ, но смягчился, и отвѣтъ его дошелъ въ парламентъ въ уклончивой формѣ. „Я рассмотрю внимательно представленіе парламента о гербовой пошлинѣ и сообщу мою волю“. Упоминалось о внесеніи новаго эдикта, касательно поземельнаго налога, вопросъ о словномъ представительствѣ обойденъ молчаніемъ. Между тѣмъ слухи о происходящемъ въ парламентѣ распространялись всюду; парламентъ печаталъ свои опредѣленія, они читались наперерывъ. „Парламентъ въ нѣсколько дней возвратилъ себѣ старую популярность“. (Roquain, 447).

Сторону парламентовъ приняли нѣкоторые провіціальныя дворянства во имя мѣстныхъ привилегій. Въ провинціяхъ разыгрались сцены мятежа, предвѣстники революціи. Особенно характеристичны явленія въ шумной Бретани. Бретань принадлежала къ привилегированнымъ провинціямъ, имѣла сословныя собранія; ея крикливое и бурливое дворянство ревниво дорожило привилегіями и охотно вступало въ борьбу за ихъ охраненіе.

Эпоха сословныхъ собраній здѣсь всегда была весьма шумною. „Обѣдали, описываетъ Шатобрианъ (Chateaubriand, *Mém. d'outre-tombe* II, 11), у коменданта, обѣдали у предводителя дворянства (président de noblesse), обѣдали у предсѣдателя собраній духовенства, обѣдали у главнаго казначея (trésorier des états), обѣдали у интенданта провинціи, обѣдали у президента парламента. И пили!... Дворяне, присутствовавшіе на собраніи, очень напоминали польскіе сеймы“.

„Бретанское дворянство, рассказываетъ Шатобрианъ, бывшій очевидцемъ событій, безъ разрѣшенія собралось въ Реннѣ (въ концѣ мая 1788), чтобы протестовать противъ учрежденія *cong plénière*. Я отправился на этотъ сеймъ. Это было первое въ моей жизни политическое собраніе, на которомъ я присутствовалъ. Я былъ опеломленъ и забавлялся криками, какіе слышалъ. Вдѣзали на столы, на кресла, жестикулировали, говорили всѣ разомъ. Маркизь Тремерга (Trémérgat) на деревяшкѣ кричалъ голосомъ ментора: „Пойдемте всѣ къ коменданту Тиару (Thiard); скажемъ ему: Бретанское дворянство пришло къ вамъ и хочетъ говорить съ вами; самъ король не отказалъ бы ему въ томъ“. Тирада встрѣчена громкимъ *bravo*. Маркизь началъ опять: „Самъ король не отказалъ бы намъ въ этомъ“. Крики и топанье удвоились. Мы отправились къ графу Тиару, человѣку придворному, эротическому поэту, человѣку мягкаго и легкомысленнаго характера, смертельно скучавшему нашимъ гвалтомъ. Онъ смотрѣлъ на насъ какъ на кабановъ или дикихъ звѣрей. Горѣлъ желаніемъ скорѣе покинуть нашу Арморигу и не имѣлъ ни малѣйшаго желанія закрыть предъ нами двери своего жилища. Ораторъ нашъ высказалъ что хотѣлъ, послѣ чего состоялась наша декларация: „Объявляемъ безчестными всѣхъ, кто рѣшится принять мѣста въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ или въ управленіи, несогласованныхъ съ конституціонными законами Бретани

loi- constitutives de la Bretagne)“. Двѣнадцать дворянъ были избраны доставить этотъ документъ королю. По прибытіи ихъ въ Парижъ, ихъ заключили въ Бастилію, откуда они скоро вышли съ ореоломъ геройства, были приняты по возвращеніи съ лавровыми вѣтвями. „Мы носили тогда широкія перламутровыя пуговицы съ надписью вокругъ по-латыни: „лучше смерть чѣмъ безчестіе“. Мы торжествовали надъ дворомъ, надъ которымъ весь свѣтъ торжествовалъ, и летѣли вмѣстѣ съ нимъ въ ту же пропасть“.

На мѣсто арестованныхъ двѣнадцати депутатовъ дворянство выслало новыхъ, уже нѣсколько десятковъ. Со свойственною правительству непослѣдовательностію эти были приняты. О представленіи, какое повергалось на взрѣніе короля, можно судить по слѣдующему отрывку:

„Министры Вашего Величества развернули въ городахъ нашихъ всѣ аппараты войны, подняли громкій голосъ деспотизма, заглушили голосъ законовъ. Они мнили, что страхъ принудить насъ къ молчанію: они ошиблись... Голосъ общественнаго мнѣнія, имѣющій болѣе силы велѣнія, чѣмъ голосъ министровъ и королей, заклеимилъ впередъ всякого, кто приметъ мѣсто въ этой новоустроенной палатѣ (cour plénière) и въ трибуналахъ, не признаваемыхъ націей, установленныхъ противъ всѣхъ законовъ, основанныхъ на развалинахъ истинной магистратуры... Ваши министры обманули васъ, Государь: они преступны. Чтобы убѣдиться въ этомъ, вашимъ подданнымъ достаточно противопоставить министерское поведеніе характеру монарха, котораго они обожаютъ“ (Eggers, IV, 171).

Декретомъ 8 августа 1788, созывъ сословныхъ представителей въ маѣ 1789 года былъ объявленъ ввенародно. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовала равносильная отмѣнѣ отсрочка несуществленнаго еще учрежденія. „Его Величество, сказано въ декретѣ, рѣшилъ приостановить учрежденіе cour plénière до собранія сословныхъ представителей и подождать, относительно существованія этого учрежденія, состава его и предѣловъ власти, представленій, какія могутъ быть сдѣланы собраніемъ“. Такъ мотивировано отступленіе (Eggers, IV, 324). Въ надеждѣ угодить общественному мнѣнію прибавлено: „Его Величество не допуститъ, чтобы какаѣ-либо изъ отдѣльныхъ корпорацій перешла границы ей предписанныя въ то время, когда ему угодно *вновь вручить нации вполнѣ пользование тѣми правами, какія ей принадлежатъ*“. Революціонная доктрина торжественно признана королемъ: Незадолго предъ тѣмъ съ цѣлью также польстить мнѣнію, правительство обратилось къ содѣйствію общества и печати, побуждая (постановленіе совѣта 5 іюля 1788) къ собиранію и доставленію свѣдѣній и соображеній, касательно прежнихъ собраній сословныхъ представителей и наилучшаго устройства предстоящаго собора. Но и такое рѣшительное вступленіе на путь угожденія общественному мнѣнію не могло уже поправить положеніе Бріена. Дни его были сочтены. Финансовое положеніе оставалось затруднительнымъ, и когда при срокѣ платежей пришлось объявить родъ банкротства, постано-

вивъ уплачивать ренту на двѣ пятыя монетой и на три пятыя бумажными обязательствами, общее неудовольствіе разразилось съ неудержимою силой. Представился одинъ исходъ. Въ интимныхъ совѣтахъ двора рѣшено уволить Бріена и призвать къ управленію финансами популярнаго Неккера. „Я быль, говорить Неккеръ, призванъ въ Версаль. Король пожелалъ меня видѣть въ кабинетѣ королевы и въ ея присутствіи. Въ великой добротѣ своей онъ испытывалъ нѣкоторое смущеніе, такъ какъ въ прошломъ году онъ меня выслалъ. Я говорилъ ему только о моей преданности и моемъ почтеніи. Съ этой минуты я вновь занялъ то мѣсто около моего монарха, какое имѣлъ въ прежнее время“. (*De la rév.*, I, 43).

За отставкой Бріена послѣдовала отставка Ламуаньйона, ненавистнаго парламентамъ. Послѣдній недолго пережилъ паденіе. Парламентская ненависть преслѣдовала его въ семьѣ. Благодаря ей, разстроилась свадьба его сына. Разбитый духомъ, Ламуаньйонъ кончилъ жизнь самоубійствомъ въ маѣ 1789 года.

Неккеръ возвратился. Восторгамъ не было, казалось, конца. Онъ вернетъ обиліе, онъ надежда націи, злые геніи бѣгутъ при его видѣ. Не успѣлъ онъ вступить, его уже поздравляютъ со счастливою администраціей. Ему посвящаются оды; портреты его всюду, на табакеркахъ, даже на пуговицахъ. Городъ даетъ праздникъ и переименовываетъ одну изъ улицъ въ улицу Неккера. Выбито до четырнадцати медалей въ его честь. (*Châlamel. Hist-Musée de la rév. fr. Paris, 1857, 17*). Фейерверки, иллюминаціи. „Въ Греноблѣ курьеръ, привезшій великую новость, прибылъ днемъ. Жители, не дождавшись ночи, зажгли иллюминацію“. (*Droz, 216*).

Низшій судейскій людъ и чернь ознаменовали восторги по случаю паденія Бріена и Ламуаньйона сценами скандала и буйства. „Изображенія архіепископа Санскаго и Ламуаньйона, пишетъ Безанваль (*Mém.*, 349), были сожжены. Площадь Дофина походила на поле битвы по громадному числу постоянно бросаемыхъ петардъ. На Pont Neuf останавливали экипажи и проходящихъ заставляли становиться на колѣни предъ статуей Генриха IV. Женщины освобождались отъ этой церемоніи, но и мужчины и женщины должны были кричать: да здравствуетъ Генрихъ IV, къ чорту Ламуаньйона! Случалось, что у проходящихъ брали деньги подъ предлогомъ покупки ракетъ. Затѣяли устроить похороны Ламуаньйона. Отъ Pont Neuf потянулись вереницей два ряда факельщиковъ и направились къ Гренельской улицѣ, гдѣ былъ домъ хранителя печатей: хотѣли поджечь его. Одинъ изъ моихъ людей, находившійся въ толпѣ, слышалъ этотъ заговоръ и побѣждалъ увѣдомить людей Ламуаньйона. Тотъ потребовалъ военную силу изъ Дома Инвалидовъ, и когда скопище приблизилось, командовавшій офицеръ говорилъ съ такимъ жаромъ и угрозами, что произвелъ дѣйствіе. Все отхлынуло къ дому Бріена (графа) на улицѣ Св. Доминика, также съ

намѣреніемъ произвести пожаръ. Графъ Бріенъ, только что вернувшійся домой, видя происходящее, бросился въ Домъ Инвалидовъ. Посланъ отрядъ, и тогда какъ онъ входилъ съ одной стороны улицы, съ другой подоспѣлъ отрядъ Французскихъ гардовъ, получившихъ приказъ прекратить обнаружившіеся беспорядки. Командовавшій отрядомъ сержантъ подвергся оскорбленіямъ, получилъ даже ударъ; онъ двинулъ отрядъ на толпу, которая не могла убождать, встрѣтивъ отрядъ изъ Дома Инвалидовъ. Нанесены были удары штыками, были убиты и ранены. Пока эта сцена происходила въ Сень-Жерменскомъ предмѣстьѣ, болѣе кровавая разыгралась на улицѣ Меле (Meslée), гдѣ жилъ Дюбуа, командиръ внутренней стражи, противъ котораго какъ и противъ его команды была озлоблена чернь. Съ Pont Neuf большая толпа двинулась къ площади Дофина съ намѣреніемъ истребить всѣхъ стражниковъ, кто попадется, и сжечь домъ Дюбуа. Увѣдомленный вовремя, онъ далъ приказъ командѣ скрыться въ домахъ улицы Меле. На своемъ дворѣ поставилъ конную стражу и, когда толпа наполнила улицу, выдвинулъ пѣшихъ стражниковъ со штыками изъ домовъ, тогда какъ отрядъ двинулся прямо на толпу съ саблями. Этимъ онъ спасъ себя и свой домъ, но много было раненыхъ и убитыхъ“.

Любопытно какъ отнесся къ этимъ сценамъ парламентъ. „Парламентъ, говоритъ Салье (приведено въ мемуарахъ Мирабо, V, 161), счелъ обязанностію собрать свѣдѣнія о происшедшемъ, и первое послѣ того собраніе его обратилось въ возданіе почестей черни. Ничѣмъ не оправдываемое беспорядочное волненіе, сцены крайняго буйства (scènes de brigandages) представились невинными въ глазахъ парламента, и обвиняемыми явились полицейскіе офицеры и военные начальники. Декламации вожаковъ партіи были повторяемы судебными сановниками. Они говорили, какъ бы въ священномъ негодованіи, о преступной стрѣльбѣ въ народъ, о неизвѣстномъ, но надо думать, громадномъ числѣ убитыхъ и раненыхъ. Рисовали картины, какъ солдаты будто бы не усмиряли мятежныхъ, а безразлично набрасывались на всѣхъ проходящихъ и т. д. Послѣдствіемъ этихъ рѣчей былъ призывъ къ рѣшеткѣ парламента полицеймстера (lieutenant de police) и командира внутренней стражи (commandant de guet). Ихъ призвали среди засѣданія. Народъ, наполнявшій залы, нагло ликовалъ. Призванные чиновники были оскорбляемы при проходѣ, надо было тайно проводить ихъ изъ засѣданія, чтобы спасти отъ ожидавшихся оскорбленій при выходѣ. Парламентъ заключилъ засѣданіе постановленіемъ подвергнуть разслѣдованію не сборища и мятежныя дѣйствія, но превышеніе власти со стороны полиціи и внутренней стражи. Другимъ постановленіемъ, болѣе благоразумнымъ, воспрещались сборища и пусканіе ракетъ. Но чтобы не потерять расположенія толпы, въ томъ же постановленіи прибавлено увѣщаніе полиціи обращаться съ народомъ гуманно, благоразумно и умѣренно. Народъ такъ хорошо понялъ постановленіе, что сборища и шумныя выра-

женія восторговъ продолжались попрежнему, полиція и стража были правильно каждый вечеръ оскорбляемы“.

Наступила послѣдняя зима старой Франціи. Хлѣбъ былъ дорогъ, такъ какъ лѣто 1788 года было несчастно для земледѣлія: страшный градъ опустошилъ множество мѣстностей. На дворѣ стояли большіе холода; много дней держалась температура семнадцать градусовъ мороза. За то никогда благотворительность не достигала такихъ значительныхъ размѣровъ. Еще лѣтомъ была обильная подписка для пострадавшихъ отъ града. Французскій театръ, опера, Италіянскій театръ давали представленія въ пользу потерпѣвшихъ. Зимой герцогъ Орлеанскій, искавшій всячески популярности, учредилъ даровую раздачу хлѣба въ разныхъ приходахъ и устроилъ для холодныхъ дней костры на площадяхъ; рядомъ со своимъ дворцомъ устроилъ двѣ даровыя кухни. Архіепископъ Парижскій Жюинье (Juigné), не только потратившій весь свой доходъ, но и вошедшій въ долги, чтобы помогать бѣднымъ, еще усилилъ свою благотворительность. Король приказалъ сдѣлать порубки въ прилежащихъ къ Парижу лѣсахъ и раздавать даромъ дрова, носилъ дырявые башмаки и позволялъ себѣ проигрывать не болѣе экю въ триктрагъ.

Въ высшемъ кругѣ увеселенія шли своимъ чередомъ. По случаю холода вошли въ особую честь муфты, и франты прогуливались, нося на себѣ, по капризу тогдашней моды, по двое часовъ и скрывая руки въ громадныхъ муфтахъ. Игра достигла крайнихъ предѣловъ; мужчины и женщины ночи проводили въ игорныхъ притонахъ высшаго тона, носившихъ наименованіе *ada*. Карнавалъ былъ продолжительный и блестящій. Шелковыя кофты (*caracos de satin*), китайскіе башмаки, бархатные панталоны, фраки съ цвѣтною подкладкой, пряжки *aux poeds d'amour* и *aux coquiles*, рединготы и двойные воротники дѣлали фуроръ (*Challamel, Hist.-Musée, 1, 22*).

Но крушеніе приближалось.

III. Извлечение из очерка четвертаго: печать накануне собрания сословныхъ представителей.

«Свобода печати, включая сюда періодическія изданія, замѣчаетъ Лакретель (VII, 331), была отвоевана у уstraшеннаго правительства за четыре мѣсяца предъ взятіемъ Бастиліи: этого достаточно, чтобъ объяснить взятіе Бастиліи и всю революцію.

Составители *Введенія къ Монитеру* (*Arch. parlem.*, I, 563), приверженцы революціи, указываютъ, что „революція мнѣній и вещей“ (*une révolution d'opinions et des choses*), обнаружившаяся въ 1789 году, была слѣдствіемъ быстрого распространенія, въ годъ предъ переворотомъ, идей и ученій, заключающихся въ сочиненіяхъ до того времени малодоступныхъ массамъ и остававшихся въ библіотекахъ людей достаточныхъ и образованныхъ. Авторы брошюръ «сослужили эту службу отечеству»... «Они истолковали для массъ начала Руссо, Мабли, Райналя, Дидро, Кондильяка и проч.; въ краткихъ, легко понимаемыхъ разсужденіяхъ они напомнили естественныя права народовъ; тѣ, коими пользовались древніе Франки, значеніе первыхъ національныхъ собраній, и искусными намеками и аллегоріями раскрыли злоупотребленія деспотизма и феодализма. Туча брошюръ вдругъ наводила Францію, и самыя важныя вопросы государственнаго права быстро перешли во всѣ уста, освѣтили всѣ умы: революція съ тѣхъ поръ уже совершалась во мнѣніяхъ (*fut dès lors dans les opinions*)“. Это вѣрно, но весьма невѣрно утвержденіе будто авторы брошюръ „сослужившихъ службу“ обнаружили мужество, дѣйствуя „вопреки инквизиціи и цензорамъ“. Они дѣйствовали, какъ видимъ, не только благодаря снисходительной терпимости правительства, но по его приглашенію, при фактически допущенной свободѣ печати.

«Въ каждодневно появляющихся брошюрахъ и памфлетахъ, негодуешь Салье (*Ann. France.* 303; цитата въ изданіи мемуаровъ Вебера. I, 261), народъ предрасполагали къ преступленію, проповѣдая ему звѣрство подъ формою шутки. Въ то же время, чтобы пріучить его къ осмѣянію всего, что было для него священно, для этихъ книжонокъ заимствовали заглавія и формулы отъ религіозныхъ дѣйствій. Тутъ были молебень средняго сословія, его евангеліе, его проповѣди, вечерни, страсти, смерть и воскресеніе. Богами и святыми новаго культа были тѣ, на кого народная партія возлагала свое довѣріе. Наибольше восхваленій получилъ Неккеръ и уни-

вался ими. И король получилъ дань хваленій, къ которой не оставался нечувствительнымъ. Мораль этихъ евангелистовъ мятежа была избіеніе дворянъ и судебныхъ сановниковъ. И эти-то произведенія нечестія и разбойничества продавались публично. Эмиссары партіи раздавали ихъ даромъ народу. Книжные магазины выставляли взорамъ публики. Они безъ малѣйшаго препятствія читались въ кофейняхъ, и никто не боялся быть за нихъ обезпокоеннымъ“.

Какъ-то тяжело впннть правительство за то, что оно допустило и поощряло свободу слова, столь дорогую каждому мыслящему человеку, и притомъ въ эпоху, когда все рвалось къ этой свободѣ, и она была несомнѣнно общимъ желаніемъ націи. Это видно изъ наказовъ выборнымъ: въ рѣдкомъ нѣтъ упоминанія о свободѣ печати въ ряду главныхъ народныхъ желаній.

Но не должно забывать, что въ обсужденіи важнаго и труднаго вопроса о свободѣ печати мы часто дѣлаемъ смѣшеніе, производящее немалую смуту понятій. О какомъ правѣ, о какой свободѣ идетъ рѣчь, когда говорится о свободѣ мысли и слова, какъ одномъ изъ главныхъ приобрѣтеній, — хотя еще и оспариваемомъ, — цивилизаціи новаго времени, какъ о благѣ, купленномъ великими пожертвованіями, мученіями Галилея, тяжелою борьбой съ инквизиціонными гоненіями мысли, но въ полное владѣніе которымъ и до нынѣ еще не вступило человѣчество? Порывъ человѣческаго духа, на рубежѣ новой философіи въ славномъ XVII вѣкѣ, къ исканію истины путемъ естественнаго разума, все подвергающаго разсмотрѣнію, сдѣлалъ свободу изслѣдованія исходнымъ пунктомъ научнаго знанія. Для испытующаго разума нѣтъ запретныхъ областей. Онъ имѣетъ въ себѣ мѣрило истины. Полученный мною, путемъ напряженной умственной работы, выводъ, каковъ бы онъ ни былъ, хотя бы противорѣчилъ всему, что принято. мнѣнію всего человѣческаго рода, имѣетъ право на нескрытое существованіе, какъ опытъ движенія въ области, гдѣ всѣ пути открыты для изысканія. Можетъ быть, выводъ мой есть заблужденіе. Опровергайте меня, но не лишайте меня права предъявить мои аргументы. Нѣтъ такого научнаго убѣжденія, которое бы возбранялось, подлежало преслѣдованію, было бы лишено права существованія. Инквизиція мысли должна быть печальнымъ преданіемъ прошлаго, ея костры, матеріальные и нравственные, потушены навѣкъ. *Вотъ въ чемъ свобода мысли. Ея допущеніе обусловливается существованіемъ убѣждений.* Но тутъ и возникаетъ трудность. дѣлающая вещь теоретически простую на практикѣ крайне сложною. Достаточно ли того, чтобъ я сказалъ: таково мое убѣжденіе, чтобы сказанное мною чрезъ это получило значеніе свободнаго вывода пытливаго разума. А если это сознательный обманъ или легкомысленная недодуманность? Гдѣ признакъ дѣйствительнаго убѣжденія, и кто тутъ судья? И гдѣ граница со стороны государства между допущеніемъ и поощреніемъ, такъ

какъ нынѣ крайне рѣдко, чтобы высказывающій былъ въ такой мѣрѣ независимымъ, частнымъ человѣкомъ, какъ былъ на примѣръ Декартъ, котораго все званіе было философъ, и высказанное имѣло исключительно теоретическое значеніе. Многоразличныя общественныя отношенія, правительственныя, наставническія и иныя обязательства, не препятствуя свободѣ изысканія, вносятъ немало ограничительныхъ условій въ свободу выраженія. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ удовлетворительно регламентировать эту свободу формальными параграфами закона. Еще ни одно законодательство не разрѣшило задачу и врядъ ли скоро разрѣшитъ, хотя составители французской конституціи надѣялись достигъ пѣли нѣсколькими почерками пера. Дѣло улаживается лишь сложными условіями дѣйствительности.

Наибольшая свобода научнаго изслѣдованія въ настоящее время замѣчается въ Германіи, въ ея университетахъ, гдѣ съ кафедры могутъ безвозбранно сообщаться всякіе результаты научнаго изслѣдованія. Условія учреждений таковы, что дѣло становится необходимо серьезнымъ, и злоупотребленія имѣютъ такую незначительную силу, что ими оказывается возможность пренебречь. Но и въ Германіи Вирховъ на ученомъ съѣздѣ счелъ не лишнимъ напомнить о благоразуміи, чтобы не нанести ударъ счастливо пріобрѣтенному пользованію свободой. Политическая печать свободнѣе всего въ Англіи; и опять потому, что злоупотребленія оказываются настолько не опасными для самой Англіи, что могутъ быть пренебрежены.

Область свободы политическихъ сужденій много еще сложнѣе, чѣмъ область свободы научнаго изслѣдованія. Теоретическій идеаль и тутъ тотъ же: право на невозбранное существованіе каждаго независимаго, честнаго (въ смыслѣ отсутствія сознательнаго обмана) и серьезнаго убѣжденія. Но въ чемъ безошибочные признаки такого убѣжденія. Какой пагубный грузъ нельзя провезти подъ этимъ флагомъ? Тупоуміе по отношенію къ щекотливымъ вопросамъ свободы обыкновенно уловляется тѣмъ, что ему вывѣшиваютъ флагъ, яко бы либеральный, и оно до сути дѣла не доходитъ. Печать, и въ особенности политическая, не есть только средство выраженія свободнаго убѣжденія, она есть орудіе, и крайне могущественное, пропаганды. *Французскій примѣръ, нами изучаемый, есть вѣское свидѣтельство что и въ какой короткій срокъ можетъ быть сдѣлано печатью для обработки общественнаго мнѣнія.* Вспомнимъ быстрое движеніе у насъ въ эпоху „умиротворенія“ и тѣ небезуспѣшныя старанія, чтобы оно охватило провинціальную печать, вдругъ сдѣлавшуюся предметомъ особенныхъ заботъ.

Требовать отъ правительства безучастнаго отношенія къ фабрикаціи на его глазахъ общественнаго мнѣнія, есть одна изъ капитальныхъ глупостей, намъ преподаваемыхъ подъ именемъ либерализма. Расписываютъ дѣло такъ: выскажутся двѣ разныя мнѣнія, изъ ихъ столкновения выйдетъ истина. Надо быть очень наивнымъ, чтобы ждать академической борьбы

мнѣній и повѣрять газетамъ что у нихъ непочатые кораба истины, остающиеся закрытыми только по недостатку свободы слова. А ловятся и на эту удочку! *Безучастное отношеніе правительства равносильно покровительству и поощренію. Требовать отъ правительства, чтобы оно въ виду явно чинимой пропаганды не принимало зависящихъ отъ него мѣръ, значитъ требовать отъ него глупости, а не либерализма.*

Какъ далека отъ неприглядной дѣйствительности-розовая картина свободного столкновенія мнѣній въ свободной политической печати, должествующаго по теоріи вести къ неперемѣнному торжеству правды, можно видѣть въ слѣдующемъ печальномъ изображеніи, набросанномъ либеральнымъ маркизомъ де-Феррьеромъ и относящемся къ 1790 году, когда политическая журналистика сдѣлалась первенствующею революціонною силой, служа звеномъ, соединившимъ двигателей мятежа съ его орудіями.

„Якобинскіе журналисты, говоритъ де-Феррьеръ, описывая положеніе дѣлъ лѣтомъ 1780 года (*Mém.*, II, 125), наводняли Парижъ и Францію зажигательными писаніями. Говорили непрерывно о заговорахъ, аристократахъ, лигахъ иностранныхъ государствъ, вторженіяхъ на французскую территорию. Поселяли недоувѣріе въ народъ къ королю, королевы, министрамъ. Малюэ, Клермонъ-Тоннеръ, Виріе и другіе конституціоналисты хотѣли остановить это наводненіе клеветъ и неистовствъ. Ихъ усилія были тщетны. Когда не были въ состояніи противоположить законъ произволу, стали противополажать книжонки книжонкамъ (*libelles à libelles*). Журналисты раздѣлились: якобинцы, аристократы, конституціоналисты имѣли своихъ писателей. Шайка людей безъ знанія и заслугъ, покрытыхъ позоромъ, продавшихся партіямъ разрушенія, безстыдно восхвалявшихъ злодѣевъ, которые имъ платили, создала диктатуру, которою подчинила себѣ короля, національное собраніе, каждаго депутата, каждаго гражданина. Честному челоуѣку оставалось только завернуть голову въ плащъ и молча принимать ядовитые удары продажныхъ перьевъ. Камиль Демуленъ, Бриссо, Горса (*Gorsas*), Карра, Марать и другіе, если можно, еще болѣе низкіе, были агентами комитета возстанія, который направляли вожди якобинцевъ и орлеанистовъ. Желали произвести мятежь—пускали неопредѣленные толки объ убійствѣ (*on répandait des notions vagues d'assassinat*) и, съ помощію пяти, шести сообщниковъ, незамѣтно пробиравшихся въ народъ, образовывали сборища празднои и легковѣрной толпы, къ которымъ присоединялись агенты партіи. Такъ, помощію клеветъ, невѣрныхъ розсказней, ссылаясь на какое-нибудь знаменитое лицо, легко смущали невѣжественную чернь, которую убійственныя писанія журналистовъ сдѣлали звѣрскою. Совѣтовали грабежь и убійство, якобы средство остановить заговоры враговъ народа. И тогда, какъ одни разгорячали умы, другіе—раздаватели денегъ—ходили между группъ. Замѣтятъ лицо, отмѣченное печатью злодѣйства, начинаютъ заговаривать, разспрашивать: на

есть можно положиться. Если отвѣтитъ: вѣрный человекъ, ему давали двѣнадцать франковъ. Этимъ заключалось обязательство слѣдовать приказамъ вождей мятежа. Если дѣло шло о томъ, чтобы собрать разсѣянные шайки, возвѣщали заранѣе, что въ такой-то день въ Парижъ или въ такомъ то городѣ произойдутъ большіе беспорядки, убійства, грабежъ, которымъ будетъ предшествовать раздача денегъ по рукамъ вѣрнымъ людямъ и подначальнымъ вожакамъ. Бродяги, брѣвныеры, бѣглецы каторжники сбѣгались изъ-за тридцати, сорока лье въ назначенное мѣсто. Вотъ способъ, какъ якобинцамъ и орлеанистамъ удалось собрать цѣлую многочисленную, сильную армію злодѣевъ, помощію небольшихъ денегъ, тамъ и сямъ разбросанныхъ, и внушенныхъ надеждъ на грабежъ и безнаказанность!“

Преобладающій потокъ въ журнальномъ наводненіи послѣднихъ мѣсяцевъ предъ собраніемъ сословныхъ представителей шель противъ привилегированныхъ классовъ къ возвышенію средняго сословія. Наиболѣе характеристическимъ выразителемъ движенія былъ знаменитый памфлетъ: *Что такое среднее сословіе?* (брошюра въ 130 страницъ, появившаяся въ мартѣ 1789 года) аббата Сіеса.

„Мы имѣемъ сдѣлать три вопроса: 1) Что такое есть среднее сословіе? — Все. 2) Чѣмъ было оно до нынѣ въ нашемъ политическомъ строѣ? — Ничѣмъ. 3) Чего оно требуетъ? — Сдѣлаться въ немъ чѣмъ-нибудь... Среднее сословіе есть вся нація. Оно одно, говорятъ, не можетъ образовать собранія сословныхъ представителей. Ну такъ тѣмъ лучше. Оно образуетъ *національное собраніе*... Депутаты духовенства и дворянства не имѣютъ ничего общаго съ народнымъ представительствомъ; никакой союзъ невозможенъ между тремя сословіями въ собраніи... Они могутъ еще соединиться въ одномъ общемъ желаніи, какъ могутъ въ общемъ соединиться три союзныя націи, но вы никогда не сдѣлаете изъ нихъ *одной* націи, *одного* представительства, *одной* общей воли... Нынѣ среднее сословіе все: дворянство одно наименованіе, но подъ это наименованіе прокралась новая невыносимая аристократія, и народъ имѣетъ все основаніе не хотѣть аристократіи... Среднее сословіе представляетъ собою двадцать пять милліоновъ людей и совѣщается объ интересахъ націи... Два первыя сословія представляютъ собою не болѣе двухъ сотъ тысячъ человекъ, думающихъ только о своихъ привилегіяхъ. Въ чемъ интересъ средняго сословія? Во благѣ націи. Народъ есть единственная корпорація, которая не живетъ злоупотребленіями и иной разъ отъ нихъ умираетъ. Чего требуетъ онъ? Общественной свободы и національной реформы... Что сдѣлали нотабли 1787 года? Они защищали привилегіи противъ короля. Чтò сдѣлали нотабли 1788 года? Они защищали привилегіи противъ націи. У трона, значитъ, одинъ другъ—нація, у націи одинъ другъ—тронъ. Когда другимъ была нужда въ монархѣ, они простирались ницъ предъ нимъ

Прекратилась нужда, они недовольны, изъ рабовъ становятся цензорами, изъ просителей дѣлаются противниками... Жалуются, что писатели возбуждаютъ, разгорячаютъ, мутятъ націю. Но вотъ два года дворянство, духовенство, магистратуры только и твердятъ что о націи. Она является: они отказываются отъ нея, зовутъ ее безумною... (Prudhomme *Hist. des révol.* I, 119. Paris, 1824, *Arch. Parl.* I, 589).

Итакъ нація есть среднее сословіе. Вотъ новый политическій догматъ, проповѣдуемый и распространяемый предреволюціонною периодическою печатью...

IV. Извлечение из очерка пятого: собрание сословных представителей.

5-го мая 1789 года с великою пышностью открылось в Версаль Собрание сословных представителей (*Etats généraux*). „Когда король, пишет Мармонтель (IV, 101), во главе представителей нации направился в церковь Св. Людовика, пышность, порядок, величие этого царственного шествия, почтительное молчание толпы, его окаймлявшей, король среди такого национального двора, исполненный сладкой и доверчивой радости, а вокруг его семья счастливая тем же счастьем—все это вместе производило такое глубокое и живое впечатление на души, что невольные слезы лились из всех глаз. Вспомнилось, что надежда, воочию предходить этому шествию, благоденствие за ним слѣдует“. „Я смотрѣла изъ окна, пишет дочь Неккера, г-жа Сталь (*Oeuvr XII*, 194. Paris, 1820), вместе с женой министра иностранных дѣлъ Монморена и, признаюсь, предавалась живѣйшимъ надеждамъ, видя впервые во Франціи представителей нации. Г-жа Монмаренъ, со стороны ума ничѣмъ особенно не отличавшаяся, сказала мнѣ весьма рѣшительнымъ тономъ, который произвелъ невольное впечатление: „вы напрасно радуетесь, великія произойдутъ изъ этого бѣдствія для Франціи и для насъ“. Бѣдная женщина впоследствии погибла на эшафотѣ вместе съ сыномъ, другой ея сынъ утонулъ, мужъ былъ убитъ 2-го сентября, старшая дочь погибла в тюремной больницѣ, младшая пала подъ тяжестью огорченія, не достигнувъ тридцати лѣтъ. Точно она предчувствовала все это“. И въ день молебствія, и въ день открытія, король былъ предметомъ самыхъ восторженныхъ привѣтствій. „Крики да здравствуетъ король, да здравствуетъ королева, говоритъ Бертранъ де-Молевиль (*Hist. de la révol. I*, 161. Paris, 1801), тысячи разъ повторяемые несмѣтными толпами, провожали царственную чету до дворца и даже до внутреннихъ комнатъ. Кто бы сказалъ тогда, что черезъ два какіе-нибудь мѣсяца тотъ же добрый король, достойный предметъ всехъ этихъ поклоненій и благословеній, доведенъ будетъ до того, что вынужденъ будетъ явиться въ Парижъ, отдать себя въ руки возмущившагося народа, отправиться въ думу посреди сотни тысячъ цинкъ, скрепленныхъ надъ головой, и признать мятежъ, принявъ изъ рукъ мятежниковъ кокарду и вдѣвъ ее на свою шляпу“.

Итакъ, правительство удовлетворило общему громогласному требованію общества, указывавшему на „обращеніе къ націи“ какъ на единственный и несомнѣнный выходъ изъ государственныхъ затрудненій эпохи. Въ чемъ долженъ состоять этотъ выходъ, рѣшить, предполагалось, само собраніе. У правительства относительно предстоящаго не было никакого плана. Государственный корабль былъ пущенъ въ открытое, совершенно неизвѣстное море. Правительство вызвало духа, но оказалось совершенно безсильнымъ, чтобъ его заковать. Были два капитальные жгучіе вопроса, которые уже занимали „мнѣніе“ и должны были необходимо выступить на первый планъ какъ только откроются занятія представителей. Это, во-первыхъ, вопросъ о порядкѣ совѣщаній: по сословіямъ ли, въ трехъ сословныхъ камерахъ, согласно государственному устройству страны, или въ единой палатѣ, гдѣ слились бы сословія, и, во-вторыхъ, вопросъ о задачѣ, для рѣшенія которой созвано собраніе. Правительство, мѣропріятіемъ 27-го декабря 1788 года удвоивъ число депутатовъ среднего сословія, само породило первый вопросъ и между тѣмъ онъ засталъ его словно въ располхъ. Еще менѣе приготовленнымъ оказалось оно ко второму вопросу. Пока дѣло оставалось въ области общаній и краснорѣчія, о задачѣ собранія можно было говорить въ звучныхъ, но неопредѣленныхъ выраженіяхъ, прославляя либеральное намѣреніе короля, при содѣйствіи представителей націи, совершить ея возрожденіе. Но когда правительству предъ лицомъ собранныхъ представителей пришлось въ день открытія сказать зачѣмъ оно ихъ созвало, оно невольно остановилось, и слово *конституція*, тогдашній лозунгъ „мнѣнія“, звучавшее во всѣхъ ушахъ, не было произнесено. И тогда какъ „мнѣніе“ громко провозглашало, что цѣль собранія въ томъ, чтобы передѣлать государственное устройство страны и дать ей прочную конституцію (*fixer la constitution du royaume*), правительство вынуждено было высказать представителямъ, что оно собственно не знаетъ зачѣмъ ихъ созвало. Смущеніе и неувѣренность проглядываютъ уже въ первыхъ правительственныхъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ, какими открылось собраніе...

Правительство принесло на собраніе смущеніе и неувѣренность. Что принесли съ собою на собраніе депутаты, созданные съ разныхъ концовъ Франціи? Съ первыхъ шаговъ можно было видѣть, что первая роль между ними будетъ принадлежать представителямъ „третьяго сословія“. Выдвинутые правительствомъ чрезъ удвоеніе ихъ числа сравнительно съ двумя другими классами, возбужденные печатью, проникнутые вслѣдствіе того идеей, что они представители не класса, какъ другія сословія, но націи, принадлежавшіе въ большинствѣ къ разряду людей, совершенно неопытныхъ въ государственныхъ дѣлахъ, не связанныхъ никакими интересами съ существующимъ порядкомъ, многіе съ жаднымъ аппетитомъ честолюбія,

съ завистливымъ озлобленіемъ противъ общественныхъ неравенствъ, съ сознаниемъ, что весь наличный строй есть громадное злоупотребленіе, уничтоженія котораго требуетъ благо страны,—они представляли собою неопредѣлившійся, хаотическій, но горячій матеріаль.

Правительство сложило съ себя трудную задачу организовать созванную тысячную толпу въ правильное собраніе. Приступить къ ней Нежкерь не рѣшился, опасаясь за свою популярность. Она вызвала борьбу на первыхъ же шагахъ. Вопросъ съ виду былъ о внѣшнемъ устройствѣ собранія; на дѣлѣ это былъ существенный вопросъ—сохранить ли собраніе, согласно завѣтамъ исторіи, сословный характеръ въ формѣ трехъ организованныхъ камеръ или явится новымъ учрежденіемъ: одною палатою равноправныхъ представителей націи, что въ свою очередь необходимо должно вести къ радикальной перемѣнѣ:—къ уничтоженію сословнаго устройства государства.

Утромъ 6 мая, на другой день открытія, появилось королевское объявленіе, прибитое гдѣ слѣдовало и, кромѣ того, возвѣщенное герольдами. «Его величество, объявляя депутатамъ трехъ сословій о намѣреніи своемъ, чтобъ они собирались, начиная съ нынѣшняго дня, 6 мая, симъ увѣдомляетъ, что назначенное для того помѣщеніе будетъ готово въ девять часовъ утра». Объявленіе немедленно было истолковано въ смыслѣ приглашенія всѣхъ депутатовъ въ общую залу, гдѣ происходило открытіе собранія. „Герольды, пишетъ Мирабо, созвали депутатовъ трехъ сословій въ *общую залу*. Представители общинъ отправились по приглашенію. Духовенство и дворянство въ общую залу не явились. Скоро узнали, что они собрались въ отдѣльныхъ камерахъ“. Правительство, ничего не желая брать на себя, простое приглашеніе сдѣлало въ двусмысленной формѣ, подавшей поводъ выдвинуть на первую очередь вопросъ, какъ будутъ провѣряться полномочія, въ соединенномъ засѣданіи или отдѣльно по сословіямъ. Не трудно было понять, что за этимъ вопросомъ о первыхъ формальностяхъ скрывался другой, капитальнаго значенія: будетъ ли собраніе одною палатою съ поголовнымъ счетомъ голосовъ, или сохранится сословное раздѣленіе.

Мирабо въ № 4 своего журнала (*Seconde lettre à ses comm.*), въ формѣ якобы письма къ какому-то лорду, такъ описываетъ впечатлѣніе перваго соединенія депутатовъ третьяго сословія. „Представьте себѣ болѣе пятисотъ человекъ, брошенныхъ въ одну залу, незнакомыхъ между собою, собранныхъ изъ разныхъ мѣстъ, безъ главы, безъ іерархіи. Всѣ свободные, всѣ равные, ни одинъ не имѣющій права приказывать, ни одинъ не считающій себя обязаннымъ повиноваться и всѣ съ желаніемъ *à la française* быть выслушанными, прежде чѣмъ слушать. Чрезъ полчаса хаоса, одному счастливо одаренному голосу удалось, всплывъ поверхъ шума, быть выслушаннымъ. Онъ указывалъ на потребность въ порядкѣ; всякій чувствовалъ то же, и онъ достигъ нѣкотораго вниманія. Необходимъ руководитель, председа-

тель, старшина, который устанавливал бы порядок, кому говорить. Стали спорить о значении словъ. Наименование президентъ отвергли, какъ могущее вести къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Стали спрашивать, кто старшій по возрасту. Представился одинъ гражданинъ. Онъ потребовалъ молодаго человѣка въ герольды (hérault) секретаря быть еще не могло, и нѣсколько совѣтниковъ. Хаосъ началъ принимать нѣкоторую форму. Начались предложенія, постороннія дѣлу: какъ удалить изъ залы нѣсколькихъ неносвященныхъ, дать приказъ стражамъ впускать просителей. Поднялись противорѣчія. Нѣсколько ораторовъ встаютъ и говорятъ разомъ; нетерпѣливые слушатели выражаютъ одобрение или порицаніе; каждую минуту возникаетъ шумъ. Первые говорятъ молодые люди, за ними слѣдуютъ извѣстные имена и получаютъ нѣкоторое вниманіе. Наконецъ, касаются сути дѣла; начинаютъ разбирать, что дѣлать. Привилегированныя сословія своимъ отсутствіемъ заявляютъ, повидимому, что имѣютъ въ виду совѣщаніе по сословіямъ. Горячіе умы предлагаютъ поймать ихъ на этомъ первомъ шагѣ и организовать въ національное собраніе и круто принять всѣ послѣдствія такого рѣшенія. Болѣе умѣренные представляютъ, что прежде, чѣмъ прибѣгнуть къ такой крайней мѣрѣ, слѣдуетъ употребить средства примирительныя: предложить отсутствующимъ соединиться въ общее собраніе“. Такъ прошелъ первый день.

Между тѣмъ дворяне успѣшили организовать въ отдѣльную камеру, избравъ предсѣдателя, бюро, секретарей; за ними организовалось и духовенство. Узнавъ объ этомъ, третье сословіе приняло выжидательное положеніе и объявило, что не можетъ организовать, пока не провѣрять полномочій, что должно де произойти въ общемъ собраніи сословій. Такъ продолжалось нѣсколько дней, согласно желанію начавшихъ уже обнаружиться вожаковъ, съ одобрения Мирабо въ его журналѣ.

Духовенство приняло посредническую роль: выступило съ предложеніемъ избирать „примирительныхъ комиссаровъ“ отъ трехъ сословій, которые и занялись бы разрѣшеніемъ вопроса о провѣркѣ полномочій. Дворянство изъявило согласіе. Оставалось принять рѣшеніе третьему сословію. Въ засѣданіи 13 мая, Рабо Сентъ-Этьенъ (Rabou de Saint-Etienne), раскрывавая игру, предложилъ „избрать опредѣленное число лицъ, которымъ и дозволить совѣщаться съ комиссарами, назначенными духовенствомъ и дворянами, чтобы соединить всѣхъ депутатовъ въ національной залѣ, поручивъ вмѣстѣ съ тѣмъ никакъ не отступать отъ началъ поголовной подачи голосовъ и нераздѣльности собранія“. Шапелье пошелъ далѣе и предложилъ сдѣлать заявленіе въ рѣзкой формѣ, объявивъ, что депутаты общинъ признаютъ законно избранными только тѣхъ представителей, полномочія которыхъ будутъ провѣрены комиссарами, наименованными общимъ собраніемъ. Мирабо выступилъ представителемъ болѣе умѣреннаго и осторожнаго образа дѣйствій, указывая на различіе въ образѣ

дѣйствій дворянства, „которое повелѣваетъ, и духовенства, которое входитъ въ переговоры“ (la noblesse ordonne et le clergé négotie). Собрание приняло предложеніе Мирабо въ смягченной формѣ. Сказано просто, что избирается нѣсколько лицъ для совѣщаній съ комиссарами другихъ сословій „о предлагаемыхъ средствахъ соединить всѣхъ депутатовъ для повѣрки полномочій“.

Мирабо понималъ, какъ было важно склонить на сторону третьяго класса духовенство палаты, большую часть котораго составляли приходскіе священники, симпатизировавшіе среднему сословію и возстановленные противъ высшей, аристократической части духовенства. Мирабо хотѣлъ дѣйствовать съ расчетомъ, тогда какъ многолюдное и не дисциплинированное собраніе подчинялось потоку, не имѣя сознанія истоковъ и цѣлей. Подготавливая побѣду третьему сословію но соображая силы и средства, могущія быть противъ него направленными, Мирабо не представлялъ себѣ, чтобы побѣда могла достаться такъ легко, какъ оказалось. Какъ ни низко ставилъ онъ способности лицъ, правившихъ тогда государственнымъ кормиломъ, онъ не могъ не видѣть, что они еще находятся въ обладаніи запаса силъ болѣе чѣмъ достаточнаго для борьбы съ фиктивнымъ могуществомъ части представительнаго собранія, къ которой принадлежалъ. Въ письмѣ къ Мавильйону (*Mém.*, VI, 49) онъ особенно указываетъ на обаяніе, какое для массы депутатовъ заключалось еще въ словѣ *король*. При нападеніяхъ на власть былъ еще безусловно необходимъ пріемъ отдѣленія короля отъ его правительства. Колеблющееся положеніе въ собраніи трехъ сословій вызывало правительство къ дѣйствію, но къ дѣйствію оно оказалось неспособнымъ. Короля, какъ свидѣтельствуетъ Бертранъ де-Молевиль, усиленно отклоняли, — чтобы не повредить де его популярности, — отъ сношеній съ духовенствомъ и дворянствомъ. А между тѣмъ *мнѣніе* всюду толковало, что правительственная власть въ стачкѣ съ привилегированными классами противъ „націи“. Слѣдующій рассказъ переданный Бертраномъ де-Молевиль въ *Истории революціи* и слышанный авторомъ изъ устъ самого Малуэ, бросаетъ свѣтъ на положеніе правительства и представителей и на роль Мирабо къ концу мая 1789 года.

Малуэ, близкій къ Неккеру и къ Монморену, съ первыхъ засѣданій выступилъ противникомъ Мирабо, противъ котораго чувствовалъ сильное предубѣжденіе, и удивился, что Мирабо желаетъ имѣть съ нимъ свиданіе. Свиданіе состоялось въ послѣднихъ числахъ мая. Малуэ описываетъ его слѣдующимъ образомъ: „Я желалъ, сказалъ Мирабо (*Hist. de la rév.* I, 176), имѣть объясненіе съ вами, такъ какъ сквозь вашу умѣренность не могу не признать васъ другомъ свободы, и такъ какъ я, быть-можетъ, болѣе чѣмъ вы устрaшенъ броженіемъ, какое замѣчаю въ умахъ, и бѣдствіями, какія могутъ отъ того произойти. Я не такой человѣкъ, чтобы низко продаться деспотизму. Я хочу конституціи свободной, но монархической. Вовсе не желаю колебать монархію. Но если не будутъ заранѣе приняты мѣры,

то въ виду столькихъ вздорныхъ головъ, какія усматриваю въ собраніи, въ виду неопытности, экзальтаціи, а также въ виду сопротивленія и необдуманнаго раздраженія со стороны двухъ первыхъ сословій, я столько же, какъ и вы, опасаясь ужасныхъ потрясеній. Обращаюсь къ вамъ въ вѣрности. Вы близки съ Неккеромъ и Монмореномъ. Вы должны знать *чего они хотятъ и есть ли у нихъ какой планъ*. Если планъ разуменъ, я буду его защищать“. „Это заявленіе, говоритъ Малуэ, произвело на меня сильное впечатлѣніе. Оно было такъ разумно, что я не могъ не счесть его искреннимъ; у Мирабо былъ прямой умъ, и онъ не хотѣлъ зла для зла. Во многихъ существенныхъ вопросахъ его мнѣнія были монархическаго характера. Я отнесся потому къ его объясненію съ нѣкотораго рода довѣріемъ. Откровенно сказалъ, что думаю какъ онъ, что убѣжденъ въ необходимости конституціи, которая исполнила бы разумныя желанія націи; но что не знаю имѣютъ ли министры какой-нибудь опредѣленный планъ и даже сомнѣваюсь въ этомъ. Что колебанія ихъ, какія усматриваю, пугаютъ меня столько же, какъ экзальтація многихъ изъ моихъ товарищей. Ну такъ хотите ли вы, сказалъ Мирабо, предложить министрамъ увидѣться и войти въ совѣщаніе со мною? Я согласился и сообщилъ Неккеру и Монморену результатъ моей бесѣды. И въ томъ и въ другомъ встрѣтилъ сильнѣйшее нерасположеніе войти въ сношенія съ Мирабо. Указывали на его безнравственность, его дурную славу, недовѣріе имъ внушаемое. Я опровергалъ всѣ эти возраженія, ставилъ на видъ, что человѣкъ такого таланта, обнаруживающій разумный взглядъ и который при всей его безнравственности, повидимому, не зарученъ еще ни въ какую партію и дать не малый вѣсъ той, въ которую вступить, человѣкъ, который нисколько не предлагаетъ его купить и высказывается такъ, что нельзя и думать предложить ему роль и условія, заслуживаетъ быть выслушаннымъ. Было условлено, что Неккеръ приметъ его на другой день. Свиданіе состоялось. Но Мирабо хотѣлъ, чтобъ ему высказались, а рѣшились только его выслушать. Онъ ждалъ сообщенія плана. Но весьма вѣроятно, что *никакого плана и не было*. Свиданіе было короткое и сухое. Онъ вышелъ недовольный и сказалъ мнѣ, входя въ залу:—болѣе не возвращусь, но они обо мнѣ услышатъ. Онъ болѣе чѣмъ сдержалъ слово“.

Тотъ же Малуэ рассказывалъ Мормонтелю, что въ разговорѣ съ Неккеромъ, въ присутствіи двухъ другихъ министровъ, на вопросъ: имѣете ли вы какой-нибудь планъ защиты противъ нападений грозящихъ трону, получилъ отвѣтъ: не имѣемъ никакого. Если такъ отвѣтилъ Малуэ, то все потеряно (*Marm. IV, 112*).

Обращеніе третьяго сословія въ національное собраніе, съ поглощеніемъ въ себѣ остальныхъ двухъ сословій, шло прямо противъ намѣреній власти, созвавшей собраніе. Ей было предъявлено первое серіозное испы-

таніе. Предоставить созваннымъ представителямъ трехъ сословіи уладиться самимъ между собою, какъ надѣялся Неккеръ, оказалось невозможнымъ; примирительное вмѣшательство не привело ни къ чему. Власть должна была наконецъ заявить свое рѣшеніе. Король долженъ былъ сказать „я повелѣваю“. Но, что если слово это не произведетъ дѣйствія? Тотъ часъ, когда это случится, будетъ послѣднимъ часомъ монархіи. Важность минуты чувствовалась, но неспособность правительства оставяла власть въ безпомощномъ положеніи. Были два потока: одинъ отъ Неккера, другой отъ того, что принято было называть „дворомъ“, то-есть отъ лицъ, для которыхъ съ существующимъ государственнымъ строемъ были связаны всѣ ихъ интересы, какъ низшаго порядка—положеніе, удобства жизни, такъ и высшаго—святыня предапія и честная вѣрность.

У Неккера былъ планъ, который онъ подробно излагаетъ и старается защитить въ своемъ сочиненіи о революціи, утверждая, что еслибъ этому плану послѣдовали, то событія могли бы принять иной ходъ, и обвиняя во всемъ привилегированные классы и дворъ. Планъ былъ сообразенъ съ ученіемъ Неккера объ общественномъ мнѣніи. По этому плану должно было назначить королевское засѣданіе, на которомъ король объявилъ бы соединеніе трехъ сословіи въ одну палату, обсуждающую общія дѣла по большинству голосовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оградить сословный государственный строй, изъявъ вопросъ объ измѣненіи этого строя изъ совокупнаго обсуждения. Слѣпіе, указывавъ Неккеръ, есть необходимость, которой уже нельзя избѣжать. „Какое бы мнѣніе администрація ни имѣла о соединеніи трехъ классовъ и отношеніи этой мѣры ко благу государства, здравая политика требовала, чтобы правительство связало это неизбѣжное событіе съ властію государя. Она настойчиво учила отбить у представителей третьяго сословія общественное расположеніе и отнять часть отъ ихъ побѣды на долю монарха, часть, которая могла бы возстановить кредитъ высшей власти, ослабленіе которой становилось съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе дѣйствительнымъ, болѣе и болѣе замѣтнымъ. Кромѣ того, мнѣ казалось, что король, рѣшившись самъ вызвать соединеніе сословіи, долженъ былъ сдѣлать это торжественно не только для того, чтобы поднять цѣну своего вмѣшательства, но и для того, чтобы сдѣлать менѣе чувствительно для депутатовъ двухъ первыхъ сословіи, уступчивость, какой требовали отъ нихъ обстоятельства... Наконецъ монархъ, явившись въ собраніе, окруженный блескомъ власти, долженъ былъ изложить точнѣе и полнѣе, чѣмъ до тѣхъ поръ, свои виды относительно общественнаго благосостоянія и особое расположеніе свое въ пользу народа. Онъ долженъ былъ поступить такъ, чтобы дать націи понять его истинныя чувства и придать либеральнымъ намѣреніямъ своимъ характеръ достовѣрности, разсѣивающей истолкованія клеветы. Онъ долженъ былъ поступить такъ, чтобы приобрести своей власти новыхъ приверженцевъ и новыхъ друзей и чтобы

съ успѣхомъ бороться противъ усилій партіи, которая, лаская „мнѣніе“ и льстя ему, стремилась имъ овладѣть и давать законы его именемъ“. *Либеральныя настрѣнія*, какими предполагалось умиловить и закупить общественное мнѣніе, были: обязательство устанавливать налоги и производить государственные займы не иначе-какъ съ согласія сословныхъ представителей; измѣненіе въ существующихъ налогахъ, гарантія личной безопасности чрезъ отмѣну *lettres de cachet*, свобода печати въ законномъ установленныхъ границахъ, судебная реформа, лучшая организація земства и нѣкоторыя другія. Въ награду за такія мѣры, общественное мнѣніе, надѣялся Неккеръ, приметъ подъ свое покровительство и тѣ „болѣе чѣмъ смѣлыя“, по его выраженію, требованія и условія,—не соединенныя впрочемъ въ параграфы, какъ „либеральныя намѣренія“,—съ какими король долженъ былъ обратиться къ собранію, а именно: почетныя преимущества и поземельныя права не могутъ быть измѣнены безъ поданныхъ *отдѣльно* мнѣній трехъ сословій; король никогда не дастъ согласія на устройство законодательнаго корпуса въ видѣ одной палаты; воспрещается допущеніе публики въ залу совѣщаній; армія находится въ полномъ завѣдываніи монарха, сохраняющаго исполнительную власть во всей цѣлости; всѣ постановленія собранія требуютъ монаршаго утвержденія.

Такимъ образомъ, государственная мудрость для Неккера сводилась къ тому, чтобы склонить на свою сторону невидимое, но имѣющее для него всѣ признаки личнаго бытія, существо, именуемое общественнымъ мнѣніемъ. Склонить его можно хорошими аргументами, такъ какъ оно существо способное внимать доводамъ разума. Чего болѣе либеральнаго, болѣе идущаго навстрѣчу „желаніямъ націи“, какъ заключающееся въ проектѣ деклараціи, можно было требовать отъ короля и его правительства? Къ сожалѣнію, Неккеръ могъ убѣдиться, хотя кажется и не убѣдился, что „общественное мнѣніе“ есть нѣчто иное чѣмъ то безтѣлесное, но разумное существо, которому онъ поклонялся мысленно. Онъ хотѣлъ сдѣлать ему „разумныя уступки“ и чрезъ то получить отъ него праведный судъ и осужденіе „враговъ порядка“, но уступки оказывались сдѣланными именно тѣмъ, на кого подана апелляція и которые оказались болѣе въ секретѣ „мнѣнія“, чѣмъ прельщавшій его самими убѣдительными аргументами министр. И это тѣмъ болѣе, что сами участвовали въ составленіи этого самаго „мнѣнія“ и заставляли говорить этотъ оракулъ, потихоньку въ него засѣвши. Одна изъ главныхъ ошибокъ доктринеровъ, не имѣющихъ государственнаго ума, именно та, что они думаютъ, будто люди, особенно собранные въ группы, дѣйствуютъ въ силу аргументовъ, тогда какъ истинные мотивы выходятъ изъ источниковъ болѣе осязаемыхъ, чѣмъ отвлеченныя соображенія. Аргументы прилаживаются къ мотивамъ. Аргументъ, кажущійся неодолимымъ, побѣждается очень просто—его отбрасываютъ, чрезъ него шагаютъ.

Противники Неккера при дворѣ усматривали въ чемъ узелъ дѣла. -Держали, говоритъ Неккеръ (I, 288), тайныя совѣщанія, дѣйствовали на короля... Главнѣйше хотѣли воспрепятствовать соединенію сословій». Со своей точки зрѣнія они были правы и правильно понимали, что уступить революціонному захвату третьяго сословія значило предрѣшить паденіе существующаго государственнаго строя и измѣнить положеніе монарха. Предстояло или побѣдить, или сдаться. Побѣдить значило распустить собраніе. Подобный шагъ Неккеръ считалъ абсолютно уже невозможнымъ. Г-жа Сталь, оправдывая отца, поясняетъ, что онъ думалъ такъ главнымъ образомъ потому, что зналъ ненадежное настроеніе арміи. Самъ Неккеръ объ этомъ не упоминаетъ. По словамъ же г-жи Сталь, онъ уже чрезъ двѣ недѣли послѣ открытія собранія говорилъ королю: «Государь, боюсь, не обманываютъ ли васъ о духѣ вашей арміи. Свѣдѣнія изъ провинцій заставляютъ думать, что она не пойдетъ противъ собранія представителей. Не приближайте ее къ Версалю. Народная партія еще не знаетъ положительно какое расположеніе въ арміи. Воспользуйтесь этимъ невѣдѣніемъ, чтобы поддержать вашъ авторитетъ во мнѣніи. Если роковой секретъ отсутствія субординаціи въ войскѣ сдѣлается извѣстнымъ, какая будетъ возможность сдерживать мятежные умы? Дѣло теперь въ томъ, чтобы уступить разумнымъ желаніямъ Франціи, благоволите рѣшиться на англійскую конституцію!» Показанія г-жи Сталь не отличаются точностію и весьма позволительно усомниться, чтобы Неккеръ держалъ такую рѣчь королю. Во всякомъ случаѣ сомнительно, чтобы положеніе арміи тогда было такое отчаянное, если принять въ соображеніе, что маркизь Булье, на дѣлѣ не разъ доказавшій свои способности какъ военный начальникъ, въ концѣ 1790 года находилъ еще возможнымъ возстановить утраченное положеніе короля, опираясь на военную силу. Но къ какому-нибудь рѣшительному шагу Людовикъ XVI былъ совершенно неспособенъ, а министръ его всю мудрость полагалъ въ томъ, какъ бы прельстить общественное мнѣніе, угождая ему.

Въ королевскомъ совѣтѣ планъ Неккера былъ принятъ, проектъ деклараціи читанъ и перечитанъ, король со всѣмъ согласился. Оставалось скорѣе назначить день королевскаго засѣданія. Но въ минуту, когда министры уже складывали портфели, дежурный придворный приблизился къ королю и тихо что-то ему сказалъ. Король всталъ и просилъ министровъ остаться на мѣстахъ до его возвращенія. «Эта присылка, говоритъ Неккеръ (I, 286), не могла насъ не удивить. Монморенъ, сидѣвшій около меня, сказалъ: «ничего не сдѣлано; только королева могла позволить себѣ прервать засѣданіе совѣта; по всей видимости, принцы обошли ее и хотятъ чрезъ ея посредство удалить рѣшенія короля». Министръ угадалъ. Вернувшійся король отерочилъ рѣшеніе, назначивъ чрезъ два дня новое засѣданіе въ Версалѣ (описанное было въ Марли), съ присоединеніемъ двухъ

своихъ братьевъ и четырехъ сановниковъ изъ высшей магистратуры, не засѣдавшихъ въ совѣтъ. Вновь обсуждали декларацію, Неккеръ сдѣлалъ нѣкоторыя уступки, декларація приведена, казалось, въ окончательную форму. Но наканунѣ королевскаго засѣданія короля склонили не требовать соединенія сословій ни подъ какимъ условіемъ и предписать наоборотъ сословную раздѣльность собранія. Неккеръ и министры, раздѣлявшіе его планъ, Монморень и Сенъ-При, отговаривали короля, но тщетно.

Не забудемъ, что все это совершилось въ краткій промежутокъ нѣсколькихъ дней. Неккеръ въ своемъ изложеніи проходитъ молчаніемъ то, что произошло въ эти дни. А произошло многое, свидѣтельствовавшее объ увеличивающемся возбужденіи, грозившее опасностями и побуждавшее ускорить рѣшеніе. Въ субботу 20 іюня, между семью и восьмью часами утра, герольды на улицахъ и площадяхъ Версаля возгласили объявленіе о томъ, что въ понедѣльникъ, 22 іюня, будетъ королевское засѣданіе, а до того времени засѣданія сословныхъ собраній будутъ закрыты для надлежащихъ приготовленій. Въ семь часовъ получилъ о томъ извѣщеніе Балли письмомъ оберъ-церемоніймейстера маркиза Брезе. Балли былъ поставленъ въ затруднительное положеніе. Онъ опасался сдѣлать какой-нибудь шагъ, несогласный съ интересами собранія, вступившаго въ борьбу съ правительствомъ и притязанія котораго возрасли до высокой степени. Онъ далъ отвѣтъ, что «не получилъ еще никакого повелѣнія короля о королевскомъ засѣданіи и перерывѣ засѣданій, а потому считаетъ долгомъ отправиться въ засѣданіе, назначенное на это утро». Предпринимая такой важный шагъ, долженствовавшій окончиться распущеніемъ собранія, правительство не приняло никакихъ мѣръ предосторожности. Балли, посовѣтовавшись съ секретаремъ собранія, отправился въ залу засѣданія. Доступъ былъ загражденъ. Между тѣмъ депутаты собранія хотѣли войти въ залу даже силой. Балли едва былъ въ состояніи успокоить волненіе. Одинъ изъ депутатовъ, докторъ Гильйотень (Guillotin), предложилъ занять галерею (Jeu de Romme). Предложеніе было принято и собраніе состоялось въ пустомъ манежѣ. Едва нашли одно кресло для предсѣдателя, но Балли отказался и «остался на ногахъ весь этотъ тягостный день». Умы были возбуждены. Одинъ членъ предложилъ перенести немедленно засѣданіе въ Парижъ и отправиться туда всѣмъ корпусомъ пѣшкомъ. Предложеніе было уже даже написано, когда другой членъ предложилъ принести присягу не расходиться, и предложеніе это было принято при общихъ восклицаніяхъ. Состоялось постановленіе: «Гдѣ собрались члены собранія, тамъ и Національное Собраніе... Немедленно будетъ принесена присяга никогда не раздѣляться и собираться всюду, гдѣ потребуютъ обстоятельства, пока не будетъ установлена и утверждена на прочныхъ основаніяхъ конституція королевства». Слѣдующій день былъ воскресный. Балли получилъ извѣщеніе, на этотъ разъ именное, отъ короля, что засѣданіе отлагается до

вторника. Въ понедѣльникъ тѣмъ не менѣе собраніе имѣло засѣданіе въ церкви Св. Людовика, ознаменовавшееся присоединеніемъ большинства духовенства (148 членовъ, изъ коихъ 134 приходскихъ священниковъ).

«Зала собранія, закрытая для представителей народа въ минуту, когда онъ только-что началъ дѣйствовать, невиданное зрѣлище Національнаго Собранія ищущаго убѣжища, все возвѣщало ужасы самаго мрачнаго свойства». Такъ начинается Мирабо *Тринадцатое письмо къ избирателямъ*, описывающее событіе 23 іюня. «Наконецъ, продолжаетъ онъ, 23 іюня развертываютъ весь аппаратъ произвольной власти. Многочисленная стража окружаетъ залу Собранія, устроены загородки. Въ минуту, когда все должно было внушать довѣріе, думаютъ только о томъ, какъ бы возбудить страхъ. Двери отворяютъ представителямъ, но грозайше не допускаютъ публику. Появляется король. Его встрѣчаетъ робовое молчаніе. Онъ не получаетъ обычной дани почтенія, свидѣтельствующей объ удовольствіи народа и которую получить каждый разъ, когда мудрость его не будетъ введена въ заблужденіе вѣроломнымъ совѣтомъ. Въ какой мѣрѣ надлежало обмануть ее, чтобы принять столь деспотическія формы послѣ торжественнаго отреченія отъ деспотизма!» Показаніе Мирабо относительно «молчанія», съ какимъ встрѣченъ былъ король не вполне точно. На улицахъ крики раздавались по обычаю (это указываетъ Бертранъ де-Молевиль): въ собраніи изъ рядовъ духовенства и дворянства послышались привѣтствія, молчали всѣ члены третьяго сословія. Неккеръ знаменательно отсутствовалъ въ засѣданіи. «Я не долженъ былъ присутствовать, поясняетъ онъ (*De la rév.*, I, 306). Еслибъ я былъ въ засѣданіи, то публика подумала бы, что отставка моя (на которую Неккеръ рѣшился, но подать которую вакантнѣ засѣданія счелъ неприличнымъ), вызвана неуспѣхомъ мѣры, мною посовѣтованной. Было бы слишкомъ уже много для тѣхъ, кто взяли надо мною верхъ и заставили меня оставить министерство, принудить меня еще и къ тому, чтобъ я самъ потерялъ себя въ общественномъ мнѣніи, присоединившись къ дѣйствию, прямо противоположному моимъ видамъ и совѣтамъ». Текстъ королевскихъ рѣчей и объявленія былъ по большей части тотъ самый, который составилъ Неккеръ, но мѣстами съ переменной тона на повелительный и съ рѣшительнымъ измѣненіемъ въ существенномъ пунктѣ о соединеніи сословій. Объявленію былъ данъ характеръ повелѣнія, идущаго отъ самодержавной власти. *Неустыжъ былъ равнозначителенъ пораженію начала королевскаго самодержавія, лежавшаго въ основъ дореволюціоннаго государственнаго строя, но уже поколебленнаго въ умѣхъ и монарха и подданныхъ, сконфуженныхъ пугаломъ деспотизма въ эту, когда власть почти не проявляла себя.* Король торжественно заявилъ, что если собраніе не послѣдуетъ его указаніямъ, онъ «одинъ совершитъ благо своихъ народовъ и бу-

детъ смотрѣть на себя какъ на ихъ истиннаго представителя“ (seul je ferai le bien de mes peuples: je me considèrerai comme leur véritable représentant), то-есть распустить собраніе, и заключилъ словами: „повелѣваю вамъ немедленно раздѣлиться и собраться завтра раздѣльно по сословіямъ для продолженія засѣданій“. Минута была рѣшительная. Два первыя сословія повиновались и вышли изъ залы. Представители третьяго остались на мѣстахъ, недоумѣвая что предпринять. Мирабо, за нѣсколько дней предъ тѣмъ энергически останавливавшій собраніе отъ рискованныхъ шаговъ, понялъ, что пришла минута дѣйствовать. Правительство рѣшилось на шагъ великой важности, но ничего не сдѣлало, чтобы обезпечить его успѣхъ. Всѣ усилія были направлены къ тому, чтобы склонить колеблющагося короля прибѣгнуть къ авторитету своей власти. Склонить удалось за минуту предъ тѣмъ, какъ надлежало дѣйствовать. Какъ поступить, если объявленное повелѣніе не встрѣтитъ повиновенія и торжественно произнесенную угрозу придется исполнять на дѣлѣ,—объ этомъ не успѣли, да при отсутствіи единства въ правительствѣ и не могли подумать. Президентъ Балли, какъ видно изъ его разсказа (*Mém.* I, 214), былъ сильно сконфужень. „Оберъ-церемоніймейстеръ, пишетъ онъ, приблизился ко мнѣ и сказалъ: Вы слышали повелѣніе короля? Я отвѣчалъ: Собраніе назначило совѣщаніе послѣ королевскаго засѣданія; я не могу его распустить безъ обсужденія этого пункта.—Таковъ вашъ отвѣтъ? Я могу передать его королю?—Да, милостивый государь. И я прибавилъ, обращаясь къ товарищамъ, бывшимъ вокругъ меня: полагаю, что собранная нація не можетъ получать повелѣній. Потомъ говорили и повторяли, будто я далъ такой отвѣтъ г. Брезе. Официальный отвѣтъ былъ тотъ, какъ я передалъ. Я слишкомъ уважалъ короля, чтобы дать такой отвѣтъ“. Пока Балли мялся, Мирабо опѣнилъ положеніе дѣла и понялъ, что рѣшительнымъ шагомъ можно выиграть побѣду. Пустивъ въ ходъ всю энергію своего ораторскаго таланта, не испрашивая слова, никѣмъ не уполномоченный, онъ поднялъ голосъ отъ имени собранія и произнесъ извѣстныя историческія слова, которыя передаются съ разными варіантами, но которыя самъ онъ въ журналѣ своемъ передаетъ слѣдующимъ образомъ, не совсѣмъ совпадающимъ съ передачей Балли. „Маркизь Брезе сказалъ депутатамъ: господа, вамъ извѣстны намѣренія короля. На это одинъ изъ членовъ, обращаясь къ нему, произнесъ: да, милостивый государь, мы слышали намѣренія, какія внушили королю, и вы не можете быть ихъ органомъ предъ собраніемъ сословныхъ представителей, вы, не имѣющія здѣсь ни голоса, ни мѣста, ни права напоминать намъ его рѣчь. Но, чтобы избѣжать всякаго недоразумѣнія и проволочки, объявляю вамъ, что если вамъ поручено удалить насъ отсюда, то вы должны испросить повелѣніе употребить силу, ибо мы сойдемъ съ мѣста, только уступая силѣ штыковъ!“ „Тогда, прибавляетъ Мирабо, всѣ депутаты единогласно воскликнули: таково рѣшеніе собранія!“ Мирабо,

еще безъ наивности замѣчаетъ Балли, „не долженъ былъ, не имѣлъ права дѣлать такого отвѣта, ибо предсѣдатель одинъ имѣетъ право говорить отъ имени собранія. Да и отвѣтъ этотъ въ то же время былъ неумѣстенъ и переходилъ всякую мѣру. Мѣра требуетъ, чтобъ отвѣчать на то, что сказано. Говорилось ли о штыкахъ, возвѣщалось ли употребленіе силы, грозилъ ли сколько-нибудь г. Брезе?“ Съ удаленіемъ оберъ-церемоніймейстера открылось засѣданіе. Мирабо, чтобъ обезпечить успѣхъ, сдѣлалъ предложеніе объявить „особу каждаго изъ депутатовъ неприкосновенною“. Всякое лицо, учрежденіе, судъ, комиссія, которые бы осмѣлились преслѣдовать или задержать депутата за высказываемое имъ въ собраніи, объявлялись достойными позора, измѣнниками націи, государственными преступниками. Не успѣвавшій за событіями Балли былъ противъ и этого предложенія. „Вы не знаете, чему вы подвергаетесь, пояснилъ Мирабо. Если помѣшаете декрету, шестьдесятъ депутатовъ и вы первый будете арестованы въ эту ночь“. Предложеніе Мирабо было принято. Собраніе разошлось. „Такъ кончился, размышляетъ Балли, этотъ памятный день. Не знаешь, чему болѣе удивляться—мужеству ли собранія или неблагоразумію правительства! Мы были одни, безъ защиты, среди города, обычнаго королевскаго мѣстопробыванія, населеннаго людьми, связанными съ правительствомъ, жившими злоупотребленіями, мы были окружены королевскою гвардіей и кольцомъ войскъ, облежавшихъ Парижъ и Версаль, стояли подъ ударами испуганнаго министерства, чувствовавшаго грозящую ему опасность и которое могло пуститься на всякій рискъ, чтобъ отразить ее. Отважиться на это было болѣе чѣмъ неблагоразумно, но было менѣе всего основанія ждаты отъ него благоразумія. Мы могли каждый сдѣлаться жертвой его дерзости. И между тѣмъ мы имѣли твердость объявить, установить права націи и принять пять постановленій, 17, 20 и 23 іюня утвердившихъ ея верховенство“. Балли не сознавалъ достаточно ни слабости правительства, котораго неблагоразуміе видѣлъ въ чрезмѣрной дерзости, тогда какъ надо было видѣть въ крайней необдуманности предпринятаго, ни силы вожаковъ собранія, направлявшихъ его на борьбу.

Сопротивленіе оказано, надо было обезпечить его успѣхъ. Прежде всего требовалось показать правительству, что за собраніемъ стоитъ великая сила, что подымаются волны, успокоить которыя въ силахъ только само собраніе. Умы гражданъ, утверждаетъ Мирабо въ своемъ журналѣ, были поражены безпокойствомъ. Такое состояніе могло бы разразиться шумнымъ движеніемъ, еслибы „наша непоколебимая твердость въ эти дни тревоги не успокоила публику относительно послѣдствій событія“. Между тѣмъ волны возбуждались именно тѣми, кто собирались ихъ успокаивать. Возбудить волненіе въ общественномъ мнѣніи путемъ печати и броженіе въ уличной толпѣ и всякихъ группахъ гражданъ путемъ слуховъ и всяческихъ возбуждательныхъ средствъ, вотъ на что направились усилія.

Мирабо разбираетъ въ своемъ журналѣ рѣчи короля, произнесенныя 23 іюня. „Опѣ публичны, говорить онъ, и безъ сомнѣнія дозволяется разбирать начала, въ нихъ заключающіяся, и которыя его величество никогда не сталъ бы поддерживать, еслибы не былъ окруженъ аристократами и министрами, проводниками деспотизма“. „Мало того, что король предписываетъ законы собранію представителей и даже ихъ внутреннія распоряжки и внѣшнія отношенія, онъ не говоритъ иначе какъ: *я хочу, я запрещаю, я повелѣваю*, такъ что никогда монархъ не присваивалъ себѣ болѣе формальнымъ образомъ власть безъ границъ и раздѣла. И это нашему-то доброму королю осмѣлились придворные льстецы присовѣтовать такъ обойтись съ націей, созвать которую онъ почувствовалъ потребность! Но чтобы достичь подобной цѣли, какая была надобность собирать представителей народа? Если монархъ свободенъ составлять законы, пользуясь наказами разныхъ округовъ, то стоило министрамъ распорядиться, чтобы выслали ихъ по почтѣ. Да и въ этой формальности не было надобности... И тогда какъ при составленіи регламента, въ то время, какъ король безспорно былъ предварительный законодатель (*législateur provisoire*), они не сочли себѣ позволеннымъ установить народныя совѣщанія въ созываемомъ собраніи, какимъ образомъ теперь, когда законодательное собраніе налицо, хотятъ они захватить право выдавать законы, которое не можетъ и не должно имъ принадлежать?»

Такимъ образомъ уступчивость Неккера, имѣвшая цѣлью плѣнить мнѣніе правительственнымъ либерализмомъ, обратилась въ аргументъ противъ правительства. Мирабо останавливается также на выраженіи въ рѣчи короля, которое онъ называетъ страннымъ: „я хочу также сообщить вамъ тѣ *различныя благодѣянія*, какія я дарю моимъ народамъ“. „Какъ будто, восклицаетъ Мирабо, права народовъ суть благодѣянія королей!... Съ какого это времени исполнительная власть имѣетъ починъ въ законодательствѣ? Не хотятъ ли насъ приравнять къ собранію нотаблей?“

Вотъ какимъ языкомъ оказалось уже возможнымъ говорить о королѣ.

Наступили три недѣли смуты, отъ 23 іюня до 14 іюля, приведшей къ революціонному взрыву и взятію Бастиліи. Событія шли въ такомъ порядкѣ.

Вечеромъ 23 іюня король призвалъ Неккера. Добродушный монархъ не ощутилъ озлобленія противъ министра, протестовавшего своимъ отсутствіемъ на засѣданіи 23 іюня. Другъ Неккера, Монморенъ, истолковалъ даже, что это отсутствіе только облегчаетъ возможность примиренія съ мнѣніемъ помощію того же Неккера. „Король, говоритъ самъ Неккеръ (*De la rév.* I, 307), не показалъ мнѣ никакого неудовольствія, но вмѣстѣ съ королевою просилъ меня отказаться отъ принятаго мною намѣренія выйти въ отставку и сдѣлалъ это съ такою настойчивостію что я сдался“.

ждать прибытіе Неккера во дворецъ и ждать его возвращенія. Когда увидѣлъ короля, отправлявшагося въ Трианонъ, встрѣтилъ его молчаніемъ. Наконецъ показался Неккеръ. Толпа съ привѣтственными кликами и благословеніями кинулась за нимъ. „Онъ могъ бы, замѣчаетъ снисходительный Мармонтель (IV, 124), скромно возвратиться галереями. Но было бы кажется слишкомъ строго вмѣнить въ преступленіе, что онъ не обнаружилъ настолько почтительнаго вниманія королю.“ Когда онъ почти на рукахъ толпы вернулся домой, къ нему явилось собраніе „не депутаціей, а въ полномъ составѣ“ умолять именемъ отечества, самого короля для спасенія государства не выходить въ отставку. „Это была, прибавляетъ Мармонтель, театральная сцена, чтобы сдѣлать ненавистною королевскую партію: въ совѣтахъ мятежа было рѣшено уже уничтожить Неккера, если онъ не предастся народной партіи“. Неккеръ высказалъ, что онъ одинъ не въ состояніи ничего сдѣлать добраго. „Мы поможемъ вамъ, воскликнулъ Тарже, уполномочившій себя говорить за всѣхъ. Нѣтъ усилій, нѣтъ жертвъ, на которыя мы бы ни пошли для этой цѣли.—Господинъ министръ, сказалъ Мирабо, надѣвъ маску откровенности, я не люблю васъ, но простираюсь ницъ предъ добродѣтелю.—Останьтесь г. Неккеръ, кричала толпа, мы васъ умоляемъ, останьтесь. Тронутый министръ сказалъ: Отвѣчайте за меня, г. Тарже, ибо я не могу говорить самъ.—Итакъ, господа, я остаюсь, воскликнулъ Тарже: вотъ отвѣтъ г. Неккера! Впослѣдствіи стало извѣстно, какой чувствительный ударъ нанесла эта сцена сердцу короля. Но это и входило въ намѣреніе актеровъ“. Такъ рассказываетъ Мармонтель, очевидно по ходившимъ слухамъ, во всякомъ случаѣ характеризующимъ настроеніе. Балби въ свои записки занесъ только, что вечеромъ у Неккера было большое стеченіе депутатовъ. „Приглашали, пишетъ онъ, и меня, но я не позволилъ себѣ этого шага“. Дочь Неккера говоритъ, что большинство духовенства, меньшинство дворянъ и *все* депутаты третьяго сословія были у Неккера, такъ что домъ едва могъ вмѣстить собравшихся. Неккеръ, по ея словамъ, убѣждалъ депутатовъ третьяго сословія не простирать слишкомъ далеко притязаній. „Вы теперь болѣе сильны; вамъ приличествуетъ благородіе“. *Oeuvr.* XII, 233). На другой день Неккеръ прислалъ въ собраніе письмо, въ которомъ рассыпается въ благодарностяхъ.

24 іюня дворянство и духовенство собрались въ свои камеры, третье сословіе, какъ всегда, въ залѣ общихъ собраній. Во исполненіе королевскаго повелѣнія входы собранія были охраняемы стражей, чтобы не пропускать публику. Воспрещеніе не произвело однако дѣйствія. Несмотря на него, говоритъ Балби, стражи «впускали постороннихъ и въ залѣ всегда было болѣе *шестисотъ* зрителей». Дѣлалось это, по словамъ Молевиля, слѣдующимъ образомъ. „Солдаты привели исполненіе даннаго имъ приказа къ тому, что спрашивали у каждаго входящаго депутата ли онъ. Тотъ же часовой, который громко дѣлалъ этотъ вопросъ, говорилъ попо-

томъ: отвѣчайте да. Такимъ образомъ, кажущаяся строгость состояла въ томъ, что доступъ въ залу былъ прегражденъ лицамъ, слишкомъ уже дурно одѣтымъ, чтобъ ихъ смѣшать съ депутатами“. Духовенство въ этотъ день обсуждало вопросъ о соединеніи съ третьимъ классомъ для повѣрки полномочій (соединеніе 22 іюня было безъ общаго рѣшенія, такъ какъ засѣданій духовенства въ то время не было). Определительнаго рѣшенія не состоялось: 142 голоса были поданы за соединеніе, 143 противъ; девять высказались особо, не присоединяясь ни къ той, ни къ другой сторонѣ. Поднялись споры, меньшинство требовало новой подачи голосовъ. Многие члены удалились изъ залы. Пренія тѣмъ не менѣе продолжались. Тѣхъ девять членовъ, которые высказали особое мнѣніе, уговорили присоединиться къ желавшимъ соединенія. Черезъ это составилось большинство. Формальное соединеніе послѣдовало въ то же утро. 150 членовъ духовенства, предводимые архіепископомъ Виенскимъ, вошли въ залу собранія и были привѣтствованы громкими рукоплесканіями. Члены духовенства, противившіеся соединенію, когда выходили изъ собранія, были непріязненно встрѣчаемы толпой, которой успѣли сообщить о происходившемъ. Еще наканунѣ архіепископъ Парижскій, проѣзжая близъ церкви Св. Людовика, былъ встрѣченъ криками и свистками. Въ этотъ день онъ подвергся оскорбленіямъ еще болѣе ожесточеннымъ. Камни полетѣли въ его карету, онъ былъ слегка раненъ въ лицо. Стража, окружавшая карету, по свидѣтельству Камиля Демулена (въ письмѣ къ отцу, *Oeuvr.*, II, 321), скорѣе одобряла побіеніе тѣмъ охраняла епископа. Вечеромъ толпа осадила его жилище, перебила окна, требуя чтобъ онъ вышелъ. Подоспѣлъ отрядъ, но ничего не предпринялъ, и толпу успокоили только заявленіемъ, вынужденнымъ у архіепископа, что онъ завтра присоединится къ собранію. Въ тотъ же вечеръ три депутата изъ Нойона были у Неккера по дѣламъ своего города и по недоразумѣнію были введены прямо въ гостинную, гдѣ было около шестидесяти лицъ изъ приближеннаго къ Неккеру кружка. Хозяинъ нѣсколько сконфузился, посидѣвши навстрѣчу вопедшимъ и обнадежилъ ихъ исполненіемъ просьбы. Они хотѣли удалиться. „Въ эту минуту какой-то разстрепанный молодой человекъ воѣжалъ въ гостинную, крича: браво, браво, мы только, что заставили архіепископа Парижскаго общать завтра присоединиться къ третьему сословію“. Молевиль (I, 227), передавая этотъ анекдотъ, свидѣтельствуетъ о его достовѣрности. Нѣтъ сомнѣнія, самъ Неккеръ нѣсколько не участвовалъ въ возбужденіи волненій, но, покупая популярность, долженъ былъ терпѣть въ своемъ кругѣ и двигателей смуты, стремившихся къ цѣли, въ которой онъ покорно видѣлъ велѣніе „мнѣнія“.

25 іюня присоединилось къ собранію меньшинство дворянъ (47 членовъ), между ними были Толандалъ, Клермонъ Тоннеръ и принцъ Орлеанскій. Принцъ былъ привѣтствованъ восторженными кликами. „Шумные

з. классы, пишеть Молевиль (I. 231), достигнувъ до ушей черни, въ окрестностяхъ залы, довели до безумія желаніе взглянуть, что происходитъ. Толпа прорвалась чрезъ стражу и осадила двери залы, грозя ихъ выломать. Собраніе, увѣдомленное объ опасности, отправило къ осаждающимъ Бальи, какъ предсѣдателя, а также архіепископа Виенскаго и г. Клермонъ-Тоннера. Эти господа очень вѣжливо просили толпу отойти и увѣрили, что, согласно только что состоявшемуся постановленію собранія, будетъ немедленно отправлена депутація къ королю просить о свободномъ доступѣ въ залу; и что по всей вѣроятности двери завтра же будутъ открыты народу“. Толпа вняла просьбамъ.

27 іюня свершилось окончательное соединеніе сословій. Оно вызвано было письмомъ короля къ предсѣдателямъ первыхъ двухъ классовъ. Въ письмѣ было сказано:

„Имѣя единственною заботой общее благо моего королевства, желая болѣе всего, чтобы собраніе сословныхъ представителей (l'Assemblée des États Généraux), послѣ невынужденнаго принятія моея деклараціи 23 іюня, занялось предметами національнаго интереса, я приглашаю мое вѣрное дворянство (духовенство) соединиться немедленно съ двумя другими классами, дабы поспѣшить осуществленіемъ моихъ отеческихъ видовъ. Связанные своими полномочіями могутъ присутствовать, воздерживаясь отъ голосованія до полученія новыхъ полномочій. Это будетъ новымъ знакомъ привязанности ко мнѣ дворянства (духовенства)“.

Что побудило короля, торжественно заявившаго 23 іюня раздѣльность сословій, требовать теперь соединенія ихъ въ одну палату, со всѣми послѣдствіями такой уступки, равнозначительной признанію пораженія власти монарха? Есть много указаній, что королевское рѣшеніе было результатомъ тревоги, почти паники, объявшею короля въ виду послѣдствій событія 23 іюня. Неккеръ настаивалъ на неотложной необходимости соединенія сословій. Весьма вѣроятно полагать, что аргументъ о ненадежности войска, къ которому, по словамъ дочери Неккера, онъ прибѣгалъ до 23 іюня, дѣйствительно былъ употребленъ имъ въ дѣло послѣ событий этого дня. Броженіе достигло сильной степени. По словамъ де-Ферьера (I, 64); «открыто толковали, что надо перебить членовъ дворянскаго большинства, отпѣчали ихъ дома... Говорили, что сто тысячъ челоуѣкъ придутъ изъ Парижа, сожгутъ дворець, перерѣжутъ дворянъ. Эти слухи, искусно распространенные, поддерживаемые присутствіемъ двухъ, трехъ тысячъ наемнаго народа, разбѣянаго около залы собранія, изрыгавшаго потоки оскорбленій и угрозъ противъ членовъ дворянскаго большинства, испугали дворъ... Говорили даже о днѣ избіенія“. Ничто такъ не дѣйствовало на короля, какъ страхъ междоусобной войны и пролитія крови. Этотъ страхъ сказался въ словахъ его, обращенныхъ къ герцогу Люксембургу (представителю дворянъ). «Я жду отъ вѣрности и преданности ко мнѣ сословія,

котораго вы предсѣдатель, его соединенія съ двумя другими. Я зрѣло сообразилъ положеніе дѣла, я готовъ на всякія жертвы. *Я не хочу, чтобы погибъ хотя одинъ человекъ изъ за меня* (pour ma querelle). Скажите дворянамъ, что прошу ихъ соединиться съ двумя другими сословіями. Если этого не довольно, приказываю имъ, какъ король. Это моя воля. Если найдется хотя одинъ изъ членовъ, который сочтетъ себя связаннымъ своимъ полномочіемъ, своею клятвой, или своею честью, и обязаннымъ остаться въ камерѣ, пусть мнѣ скажутъ. Я приду сѣсть рядомъ и умру съ нимъ если нужно“. Рѣшеніе было сообщено дворянамъ. Въ то же время, однимъ изъ нихъ, получено письмо отъ брата короля, умоляющее о соединеніи и дающее понять, что днямъ короля грозитъ опасность, если сопротивление продлится. „Если король въ опасности, воскликнулъ графъ Сень-Симонъ, хватался за шпагу,—отправимся во дворецъ, наше мѣсто около его величества“.

„Когда вѣсть о соединеніи трехъ сословій (Молевиль, I, 262) распространилась въ Версалѣ, народъ радостно бросился толпой на дворы дворца, вызывая криками короля и королеву. Ихъ величества показались на одномъ изъ балконовъ Мраморнаго двора и были привѣтствованы живѣйшими и единодушными восклицаніями: да здравствуетъ король! да здравствуетъ королева! Несчастная королева была тронута до слезъ и самъ король не могъ отъ нихъ удержаться... Вся ночь прошла въ иллюминаціяхъ и увеселеніяхъ. На всѣхъ почти улицахъ площадки и танцы. Народъ и граждане смѣшивались съ французскими и швейцарскими гардами, драгунами, гусарами. Столица также отпраздновала иллюминаціей это революціонное соединеніе, перемѣнившее роли сословій или, лучше сказать, уничтожившее два первыхъ въ третьемъ. Разложеніе, уже обнаружившееся во многихъ полкахъ, сдѣлало съ этой минуты быстрѣйшіе успѣхи“.

V. Извлеченіе изъ очерка шестого: первые дни уличной революціи— взятіе Бастиліи.

„Какъ только дошла сюда вѣсть, читаемъ въ первомъ номерѣ *Revolutions de Paris*, объ удаленіи дорогаго министра (Неккера), наступило общее уныніе. Народъ въ отчаяніи, ища исхода своихъ золь, смегъ многія заставы, сходилса въ разныхъ мѣстахъ, составлялъ разные планы, а граждане въ угрюмомъ молчаніи совѣщались между собою, не въ силахъ будучи удержаться отъ слезъ. Около пяти часовъ, въ воскресенье, 12 іюля, граждане, собравшіеся въ Пале-Рояль, послали приказъ, чтобы всѣ спектакли были закрыты, что было безпрекословно исполнено. Этотъ знакъ уваженія, оказанный великому человѣку, съ очевидностію обнаружилъ, какъ велика была степень общественнаго огорченія. Затѣмъ отправились въ кабинетъ Куршуса, просить этого артиста дать бюстъ или портретъ его высочества герцога Орлеанскаго и г. Неккера. Въ триумфѣ понесли эти бюсты, убравъ ихъ крепомъ, символомъ немилости этихъ драгоцѣнныхъ лицъ (тогда думали, что и принцъ получилъ повелѣніе о ссылкѣ). Народъ кричалъ „шапки долой“, дабы выразить свое глубокое уваженіе. Шествіе было многочисленно, направилось по бульвару и улицѣ Сень-Мартенъ. Участвовавшіе въ шествіи граждане пригласили отрядъ Парижской гвардіи сопровождать ихъ для порядка... Достигли Вандомской площади. Тутъ отрядъ Royal-Allemand хотѣлъ остановить народъ. Полетѣли камни, солдаты бросились въ толпу. Бюстъ Неккера былъ разбитъ; бюстъ принца избѣгъ той же участи, ибо ударъ сабли драгуна не могъ его достичь. Но эти подлые солдаты, которыхъ Національное Собраніе можетъ немедленно распустить и объявить заслуживающими безчестья, осмѣлились стрѣлять въ народъ. Одинъ *garde française*, безоружный, былъ убитъ, нѣсколько ранены. Въ ту же минуту князь Ламбескъ, ихъ начальникъ, этотъ ненавистный аристократъ, показался у моста въ Тюильри и съ низкою кровожадностію направился на гулявшихъ гражданъ, все оружіе которыхъ составляли палочки въ рукахъ. Тамъ ударомъ сабли, безо всякаго повода, онъ повергъ къ своимъ ногамъ старика, удалявшагося со своимъ пріятелемъ; молодежь хотѣла броситься впередъ, но солдаты выстрѣлили. Всѣ бросились бѣжать. Послышался пушечный выстрѣлъ, смятеніе распространилось. Граждане въ отчаяніи побѣждали къ Пале-Роялю, крича: къ оружію, къ оружію!“

Таково разукрашенное описаніе революціоннаго журнала. Подробности перешли въ исторію. И у Тьера, и у Мишле читаемъ и о безоружномъ гардѣ, убитомъ выстрѣломъ Royal Allemand, и о старикѣ, ни съ того, ни съ сего пораженномъ яростнымъ княземъ Ламбескѣ, бросившимся на мирно гулявшихъ съ палочками гражданъ. На дѣлѣ было далеко не такъ. Изъ показаній, приводимыхъ у Тэна, явствуетъ, что драгуны Ламбеска встрѣтили при входѣ въ садъ Тюильри баррикаду стульевъ, изъ-за которой въ нихъ полетѣлъ градъ камней и бутылокъ. При вѣздѣ въ садъ нѣсколько человекъ окружили князя. хватили его лошадь за гриву и поды узды, старались его стащить; былъ выстрѣлъ изъ пистолета. Ламбескъ, давъ шпоры лошади, освободился и ударилъ плашмя саблей по головѣ какого-то человека, старавшагося закрыть входъ на мостъ (Pont Tournant). Рана „убитаго старца“ оказалась царапиной въ двадцать три линіи длины и исцѣлена была компрессомъ изъ водки. Что драгуны выстрѣлили въ воздухъ, упоминаетъ и Бальи со словъ очевидца.

Въ ночь съ 12-го на 13-е іюля городскія заставы были сломаны и сожжены. Къ утру разбойники съ пиками, палками, дротиками бродили шайками по улицамъ съ криками: „оружія и хлѣба“; мирные жители заперлись въ домахъ, дрожа за свою участь. „Хотѣли (*Révol. de Paris*) разграбить дома „враговъ народа“, но были удерживаемы благоразуміемъ нѣкоторыхъ гражданъ, смѣшавшихся съ ними и ихъ сдерживавшихъ“. Толпа окружила думу (Hôtel de Ville), наполнила ея залы, требуя оружія и, не дождавшись разрѣшенія, захватила все, что было. Всѣ оружейные магазины были разграблены. Разбили тюрьму la Force и выпустили заключенныхъ. Проникли въ монастырь лазаристовъ; „поломали (цитирую изъ Тэна) библіотеку, шкафы, картины, окна, физическій кабинетъ; бросились въ погреба, разбили бочки и начали пьянствовать; черезъ двадцать четыре часа тамъ нашли до тридцати опившихся мужчинъ и женщинъ, мертвыхъ и умирающихъ; изъ нихъ одна женщина оказалась на девятомъ мѣсяцѣ беременности. Вся улица передъ домомъ была усыяна обломками, а грабители съ кусками сѣстнаго и жбанамы въ рукахъ заставляли пить всякаго проходящаго. Монастырь по постановленіямъ обязанъ былъ имѣть запасный магазинъ съ зерномъ и мукой. Это и подало поводъ къ разграбленію: народъ де голодаетъ, а монахи набили подвалы хлѣбомъ и укрываютъ его отъ гражданъ“. Хлѣбъ на пятидесяти повозкахъ былъ свезенъ на рынокъ. Ночью на 14-е іюля были разграблены булочныя и разбиты кабаки; „шайки всякаго отребья, съ ружьями и пиками въ рукахъ, бродятъ въ лохмотьяхъ; многіе „почти голые“, съ звѣрскими лицами, явившіеся неизвестно откуда, вооруженные какъ дикіе, врывались въ дома, требуя пить, ѣсть, денегъ, оружія.

Подобная сволочь недавно еще разграбила фабрику Ревельюна. Парижъ былъ центромъ, куда въ послѣднее голодное время сходились бро-

шли со всей окрестной Франціи, укрываясь отъ преслѣдованій за безпорядки, повсюду обнаруживавшіеся, отыскивая пропитанія и праздної жизни. Въ 1789 году считалось въ Парижѣ болѣе ста тысячъ неимущихъ. Пришлось устраивать родъ національныхъ мастерскихъ, производя совсѣмъ ненужныя земляныя работы на Монмартскомъ холмѣ, съ платой по двадцати су въ день. Горючаго матеріала былъ такимъ образомъ запасъ огромный. Силу июльскому возстанію давала впрочемъ не эта сволочь. Главнымъ орудіемъ она сдѣлалась позже. Въ эти дни она занималась почти исключительно грабежемъ, наводя страхъ неистовствами. Вооружался, бралъ Бастилію слой нѣсколько высшій. Граждане собирались въ Думы и по округамъ. Общая мысль была—что необходимо вооружиться, образовать гражданскую милицію, которая охраняла бы городъ отъ грабежа, и главное, представила бы отпоръ ненавистой военной силѣ изъ «наемниковъ», руководимыхъ «врагами народа», о немедленномъ вторженіи которыхъ ходили самыя преувеличенные слухи. «Всѣ движенія этихъ дней, говоритъ Бальи, имѣли двѣ причины: одна—безпокойство и ужасъ добрыхъ гражданъ въ минуту общественной опасности, при видѣ перемѣны министерства и собранныхъ съ какимъ-то замысломъ войскъ: граждане эти требовали оружія, чтобы спасти отечество, свою собственность, или чтобы защитить свои послѣдніе дни; другая—разбойники, послужившіе уже въ дѣлѣ Ревельюна и въ столькихъ затѣмъ другихъ и которые выдвинуты были тѣми, кто желали ускорить ходъ революціи» (Bally, I, 337).

Наступило 14 іюля 1789 года. Въ Бастилію съ ранняго утра являлись какіе-то молодые люди депутатами отъ Пале-Рояля. Были пропущены до вторыхъ воротъ (въ Бастилію проникали чрезъ двое послѣдовательныхъ воротъ съ подъемными мостами при каждахъ. Первые ворота ввели на дворъ новой постройки, вторыя—въ самую крѣпость). Непрошенныя гости требовали выдачи оружія и естественно получили отказъ. Являлись еще двѣ подобныя депутаціи, болѣе и болѣе многочисленныя. Что касается посланныхъ отъ Думы, то они были самымъ предупредительнымъ образомъ приняты комендантомъ и угощены завтракомъ. Комендантъ удостоверялъ, что никакихъ враждебныхъ намѣреній не имѣетъ и велѣлъ отодвинуть возбуждавшія опасенія пушки. Между тѣмъ шумная толпа вокругъ крѣпости все росла.

О дальнѣйшемъ трудно составить вполне точное представленіе; сохранилось множество разсказовъ, описаній, но всѣ они противорѣчатъ между собою въ подробностяхъ, и не легко разобраться среди разнорѣчивыхъ показаній относительно событія, ставшаго легендой на другой же день послѣ того, какъ оно произошло. Обратитъ его въ легенду было въ интересѣ и его современниковъ, и большинства его историковъ. Не легко освободить истину отъ прикрывающаго ее вымысла. Одно по крайней

мѣрѣ съ достовѣрностью вытекаетъ изъ мало-мальски внимательнаго и непредубѣжденнаго разбора фактовъ, — что со стороны осаждающихъ не было ничего кромѣ безумія, со стороны осажденныхъ — ничего кромѣ крайней уступчивости.

Депутатъ отъ округа Saint Louis de la Culture, Тюрю (Thuriot), имя котораго намъ уже случилось упомянуть, который вполнѣдствіи былъ предсѣдателемъ Конвента въ памятное засѣданіе, рѣшившее судьбу Робеспьера, явился «отъ имени націи и отечества» къ подъемному мосту въ ту минуту, какъ изъ крѣпости выходила городская депутація; былъ допущенъ въ Бастилію и объяснялся съ комендантомъ, требуя чтобы крѣпость была сдана народу. Подробности объясненія узнаемъ изъ собственнаго донесенія Тюрю, сдѣланнаго имъ въ Думѣ немедленно по выходѣ изъ крѣпости и помѣщеннаго въ протоколѣ. Перейдя съ комендантомъ на внутренній дворъ крѣпости, Тюрю увидѣлъ тамъ три пушки, тридцать Швейцарцевъ (Petits Suisses) и около дюжины инвалидовъ, всѣхъ подъ командой четырехъ офицеровъ. Весь гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ ста двадцати человѣкъ. Тюрю уговаривалъ ихъ «во имя чести, націи и отечества» сдаться. И комендантъ, и офицеры клялись, что не будутъ стрѣлять и не станутъ защищаться, если не будутъ атакованы. Когда онъ этимъ не удовлетворился и требовалъ, чтобы его свели наверхъ крѣпости и показали расположеніе пушекъ, комендантъ не хотѣлъ было удовлетворить его желаніе, но по настоянію офицеровъ согласился. Тюрю увидѣлъ на верху три пушки, удаленныя фута на четыре отъ амбразуръ, которыя были закрыты. Съ башни онъ показался толпѣ, собиравшейся стрѣлять въ крѣпость. Толпа ему рукоплескала. Сойдя, онъ еще разъ уговаривалъ сдаться; «солдаты и офицеры были, казалось, расположены уступить, но комендантъ, слишкомъ смущенный движеніями окружающей крѣпость толпы, былъ самъ не свой и не рѣшался» (le gouverneur était malheureusement trop affecté du mouvement extérieur, qu'il n'était plus à lui. Во всякомъ случаѣ, заключилъ Тюрю, на слово коменданта: не стрѣлять, если крѣпость не будетъ атакована, можно положиться. Не успѣли немного успокоиться въ Думѣ, какъ со стороны Бастиліи послышался пушечный выстрѣлъ и въ то же время громадная толпа бѣжала по площади, крича: «измѣна, предательство!» Принесли человѣка раненаго въ руку, какъ сказывали, выстрѣломъ съ крѣпости; пронесли также умирающаго солдата; говорили о другихъ убитыхъ и раненыхъ. Толковали, будто комендантъ нарочно велѣлъ опустить первый подъемный мостъ; чтобы заманить народъ на первый дворъ Бастиліи, и тамъ встрѣтилъ его убійственнымъ залпомъ. Это было совершенно ложно. Напротивъ, толпѣ какъ-то удалось спустить мостъ и она въ безпорядкѣ кинулась на дворъ, стрѣляла куда попаало, задніе попадали въ переднихъ. Въ показаніи инвалидовъ, помѣщенномъ въ изданіи *La Bastille dévoilée* (показаніе приведено въ прибавленіи къ

лапкамъ Дюсо въ *Coll. de Mém.*, 450), рассказано, какъ произошли выстрѣлы. Когда вышелъ Тюрю, толпа подъ стѣнами крѣпости кричала: «хотимъ Бастилю, долой солдатъ». «Мы, какъ могли, говорятъ инвалиды, честью просили этотъ разный народъ удалиться, стараясь поставить имъ на видъ опасность, какой они подвергаются. Но несмотря на наши увѣщанія, толпа стояла на своемъ. Два человѣка взлѣзли на караульную съ боку малаго подъемнаго моста, разрубили и разбили топорами цѣпи большого моста, тогда какъ другіе рубили и разбивали малые. Это заставило насъ твердо сказать имъ, чтобъ уходили, а то вынуждены будемъ стрѣлять. Имъ удалось спустить большой и малый мосты. Ободренные успѣхомъ, они толпой прибѣжали ко второму мосту, чтобъ овладѣть имъ, и сдѣлали по насъ ружейный залпъ. Мы вынуждены были съ своей стороны сдѣлать по нимъ залпъ, чтобы помѣшать имъ завладѣть вторымъ мостомъ, какъ они сдѣлали съ первымъ. Они обратились въ бѣгство и удалились въ безпорядкѣ». Отхлынувшая толпа разнесла ужасъ и ожесточеніе въ несчетной массѣ, облежавшей крѣпость. Прибыль отрядъ французскихъ гардовъ, привезены пушки, началась, какъ пишутъ нѣкоторые историки, правильная осада крѣпости. Правильная осада эта была безумная пальба съ улицы, изъ чердаковъ и оконъ домовъ въ воздухъ, въ каменные стѣны, не потерпѣвшія ни малѣйшаго вреда. Отъ бомбардировки во весь день былъ, по какой-то случайности, убитъ одинъ инвалидъ. Съ крѣпости стрѣляли очень мало. Если бы была серіозная стрѣльба въ густую, бѣснующуюся толпу, она унесла бы не восемьдесятъ убитыхъ, какъ потомъ оказалось, а не одну сотню. Такъ продолжалось нѣсколько часовъ. Нетерпѣливая и мятежная толпа, наполнявшая залы Думы и площадь предъ нею, приступила къ членамъ комитета и Думы съ требованіемъ усиленныхъ мѣръ ко взятію ненавистной крѣпости, какъ будто это взятіе зависѣло отъ Думы (какъ замѣчено въ протоколахъ). Явились удивительныя предложенія. Одинъ плотникъ, новидимому не безъ учености, предлагалъ устроить по римскому образцу катапулту и бросать съ неисчислимою силой (*avec une force incalculable*) громадные камни въ стѣны Бастиліи, чтобы ихъ разрушить. Г. Коссидьеръ — *major-général de la milice parisienne*, оттолкнулъ изобрѣтателя, сталъ на его мѣсто и сказалъ, что единственное средство взять Бастилю — повести осаду по правиламъ войны и для того начать рыть траншеи. А на площади предъ Бастиліей пивоваръ Сантеръ сдѣлалъ удивительное предложеніе: сжечь каменную массу помощью задержаннаго накануне гвоздичнаго и лавандоваго масла, воспламеняемаго помощью фосфора и пожарными трубами бросаемаго на крѣпость. Онъ самъ 15 іюля (протоколъ) повѣствовалъ объ этомъ, явившись въ Думу и требуя себѣ утвержденія въ званіи главнокомандующаго Сентъ-Антуанскаго предместья, каковымъ былъ будто бы выбранъ накануне, участвуя во главѣ четырехсотеннаго отряда во всѣхъ трудахъ по осадѣ! Пожарныя трубы были

привезены по его приказанію, прибавилъ онъ, какъ Бастилія была уже взята. Такихъ молодцовъ, требовавшихъ награды за подвиги, явилось на другой и слѣдующіе дни по взятіи не мало. Многіе изъ нихъ не подходили къ крѣпости. Вообще въ «трудахъ осады» участвовали, а по просту сказать бѣсновались около крѣпости, человекъ восемьсотъ. Но вся окрестность была усѣяна людьми, смотрѣвшими на зрѣлище. Дамы пріѣзжали въ экипажахъ и издали присутствовали при спектаклѣ (показаніе очевидца, Тэнъ). Маратъ въслѣдствіи бросилъ такой упрекъ Парижанамъ (*Ami du Peuple*, № 530): «Когда по небывалому стеченію обстоятельствъ стѣны плохо защищенной Бастиліи пали подъ усиліями горсти солдатъ и отряда несчастныхъ, большею частію Нѣмцевъ и почти поголовно провинціаловъ, Парижане парадировали (*se présentèrent*) предъ крѣпостью».

О выстрѣлахъ съ крѣпости показанія разнорѣчивы. По показаніямъ инвалидовъ, изъ пушки былъ данъ одинъ только выстрѣлъ картечью. когда нападающіе зажгли сарай съ соломой на первомъ дворѣ. Былъ сдѣланъ, и также послѣ увѣщаній, второй ружейный залпъ, когда толпа вновь прихлынула ко второму мосту, послѣ того, какъ гарнизонъ, готовый передать крѣпость городу, увидѣлъ приближавшееся было бѣлое знамя городской депутаціи удаляющимся и принялъ появленіе знамени за обманный маневръ осаждающихъ. Но есть и иныя показанія. Въ протоколъ Думы занесены доклады двухъ депутацій, которыя были посылаемы комитетомъ между одиннадцатію и двумя часами дня къ крѣпости съ безуспѣшными увѣщаніями коменданту сдать Бастилію. Оба доклада повѣствуютъ о сильномъ огнѣ съ крѣпости, объ опасностяхъ какимъ подвергались посланные, о падавшихъ къ ихъ ногамъ жертвахъ огня Бастиліи. И инвалиды говорятъ, что Швейцарцы, не входившіе на башни крѣпости, стрѣляли со двора «черезъ зубцы и дыры, сдѣланныя ими у подъемнаго моста».

Возможно, что Швейцарцы и стрѣляли, но большаго огня въ этихъ условіяхъ произвести, конечно, не могли. Что же касается повѣствованій, заключающихся въ докладахъ, то они мнѣ чрезвычайно подозрительны. Не очень довѣряютъ имъ и историки, превозносящіе „взятіе“; по крайней мѣрѣ ссылаются на нихъ съ большою осторожностью. Повидимому, посланные Думы сильно перетрусили. Первая депутація не дошла даже до крѣпости, и съ крѣпости никто ея не видалъ, какъ признаютъ и сами депутаты. Это не мѣшаетъ имъ въ явномъ противорѣчій съ самими собой говорить объ измѣнѣ коменданта, который упорно будто бы хотѣлъ продолжать „имъ самимъ объявленную гражданамъ войну“, „такъ какъ отказалъ выслушать нашу депутацію“. Въ началѣ доклада говорится, какъ депутатамъ при приближеніи *показалось*, что сверху стрѣляютъ (*nous avons aperçu sur les tours du fort des soldats de la garnison qui paraissaient tirer dans la rue*). На Тьера доклады сдѣлали такое впечатлѣніе, что онъ стелъ наиболѣе близкимъ къ истинѣ выразиться о стрѣльбѣ при осадѣ: „летѣли

выстрѣлы неизвѣстно откуда“ (des coups de fusil sont tirés on ne sait d'où). Депутаты далѣе проговариваются, что имѣли дѣло собственно не съ осаждаемыми, а съ осаждающими. Осаждающихъ увѣщевали они прекратить огонь, чтобы вступить въ крѣпость, но тѣ прогнали увѣщателей, говоря, что не переговоровъ и депутацій хотятъ, „а осады Бастиліи, разрушенія этой ненавистой тюрьмы и смѣрти коменданта“. Вторая депутація пошла съ барабанами и знаменемъ и была усмотрѣна. Осаждаемые вывѣсили бѣлый флагъ, стоявшіе на башняхъ солдаты спустили ружья дуломъ внизъ. Но далѣе слѣдуетъ весьма невѣроятный разсказъ, будто съ крѣпости вдругъ раздался залпъ, видѣли будто, что направляютъ и пушку: что она выстрѣлила, сказать не рѣшились. Тогда осаждающіе ожесточились, прогнали и вторую депутацію, крича: „вы тоже измѣнники“. Одного поколотили: M. Beaubourg a été maltraité (Объ этомъ же господинѣ свидѣтельствуется въ докладѣ, что пуля съ крѣпости сорвала ему эполету, пуля ли?) Повторяю, доклады очень сомнительной исторической вѣрности. Прочтемъ, напри- мѣръ, что говоритъ членъ второй депутаціи, гласный Франкотэ (Francotay), отставшій отъ остальныхъ и уже послѣ ихъ вернувшійся въ Думу. Г. Франкотэ сказалъ, что депутація остановилась на маломъ дворѣ подъ ужаснѣйшимъ огнемъ; а что онъ, Франкотэ, идя все впередъ, приблизился къ подъемному мосту; что вокругъ его многіе были убиты, и онъ вынужденъ былъ перешагнуть черезъ трупъ одного отца семейства, о которомъ всѣ сожалѣли“ (passer par dessus le cadavre d'un père de famille que tout le monde regrettait).

Удивительно—какъ это онъ узналъ, что убитый былъ отецъ семейства, и когда же всѣ успѣли выразить сожалѣніе?

Дальнѣйшее не менѣе куріозно. Храбрый гласный обращается, полагать надо, „подъ страшнымъ огнемъ“, къ согражданамъ съ рѣчью, увѣщевая ихъ отойти. Нѣтъ, нѣтъ, восклицаютъ они, мы завалимъ ровъ нашими трупами“. Уступая ихъ просьбамъ, онъ сталъ удаляться „сквозь пули, свиставшія около его ушей и ударявшія въ стѣну, къ которой они подвигались“. Пули значить были не съ крѣпости и били въ стѣну, должно- быть, безъ особаго для нея вреда. Да и куда же это „они подвигались?“ Въ стѣну что ли? Документъ такого рода очевидно большой цѣны не имѣетъ. Держусь мнѣнія, что съ крѣпости стрѣляли очень мало.

Какъ же наконецъ была взята Бастилія?

Она вовсе не была взята. Самъ главный герой дня, одинъ изъ немногихъ, обнаружившихъ дѣйствительно нѣкоторое мужество, увѣнчанный въ Думѣ „храбрый Эли“,—le brave Elie,—выразился такъ: „Бастилія вовсе не была взята силою; она сдалась прежде, чѣмъ была атакована“. Уже съ утра гарнизонъ желалъ сдать крѣпость, но комендантъ, видя громадную осаждающую толпу, опасался, должно думать, ея неистовствъ, если отворить ворота крѣпости. И нельзя не признать, что опасенія были вполне основательны. Обращенъ неистовствъ былъ еще до взятія. Кто-то въ толпѣ

указалъ молодую дѣвушку, увѣряя, что это дочь коменданта. Несчастную хотѣли тутъ же сжечь. Ее едва успѣлъ спасти, разувѣривъ толпу, какой-то добрый солдатъ. На дворѣ захватили трехъ безоружныхъ инвалидовъ и приволокли въ Думу со страшными криками, требуя ихъ смерти: ихъ будто бы схватили у воротъ Бастиліи съ оружіемъ, когда они стрѣляли въ народъ. Старый инвалидъ, сохранившій хладнокровіе предъ опасностью, сказалъ: „Какъ могъ я стрѣлять, когда былъ безъ оружія и шелъ изъ кабака, куда ходилъ за виномъ для себя и товарища“. Аргументъ подѣйствовалъ, инвалидовъ удалось отстоять отъ толпы. Рѣшено отправить ихъ до суда въ тюрьму. Возможно, что мотивомъ отказа коменданта сдать крѣпость была также и военная честь. Въ заявленіи инвалидовъ говорится, что онъ уже взялъ фитиль и хотѣлъ взорвать крѣпость, но былъ удержанъ двумя инвалидами и только послѣ этого рѣшился сдаться. Онъ сдался на честное слово французскихъ гвардейцевъ: Эли, Шола и Гулена, бывшихъ впереди осаждающихъ и знавшихъ военныя правила. Было обѣщано, что ни ему, ни гарнизону не будетъ сдѣлано никакого вреда. Но едва отворились ворота, какъ ворвалась неистовая толпа. Гарды употребили всѣ усилія сдержать слово, но тщетно. „Толпа, говорить Тэнъ, пощадила Швейцарцевъ, которые въ нее стрѣляли, принявъ ихъ по одеждѣ за заключенныхъ. Но за то набросилась на инвалидовъ, которые отворили имъ ворота; у инвалида, удержавшаго коменданта, когда тотъ хотѣлъ взорвать крѣпость, отрубили руку ударомъ сабли, прокололи его двумя ударами шпаги, повѣсили, а руку его, спасшую цѣлый кварталъ, понесли въ триумфъ по улицамъ“. Пятерыхъ офицеровъ и трехъ солдатъ убили,—однихъ тутъ же, другихъ волоча по улицѣ. „У кого не было оружія, говорить одинъ офицеръ, тѣ бросали въ меня камнями; женщины скрежетали зубами и грозили мнѣ кулаками. Двое изъ моихъ солдатъ были убиты сзади меня. При общемъ крикѣ: на висѣлицу! меня проволокли на нѣсколько сотенъ шаговъ отъ Думы. Въ ту минуту мимо меня пронесли воткнутую на пику голову, показали мнѣ ее, говоря что это голова Делона“. Самого коменданта волокли по улицѣ, таская за волосы, поражая ударами. Одни говорили—надо отрубить ему голову, другіе—надо его повѣсить, тѣ привязать къ лошадиному хвосту. Онъ просилъ смерти, въ порывѣ послѣдняго отчаянія ногой оттолкнулъ одного изъ державшихъ и въ ту же минуту былъ пронзенъ штыками. Этого показалось мало. Трупъ волочили, били. Требовалось отрѣзать голову. Подвернулся поваръ, пришедшій поглядѣть на „осаду“, и взялся за дѣло. Рубилъ саблею. Сабля оказалась тупа. Онъ вынулъ ножъ и какъ человѣкъ „въ качествѣ повара умѣющій рѣзать говядину“ управился съ головой коменданта. Ее воткнули на пику и понесли въ Пале-Рояль а оттуда къ Pont-Neuf.

Вотъ какъ была взята Бастилія!

Убийство и звѣрское наругательство надъ трупомъ Делоне слѣдующимъ образомъ, въ сентиментальномъ топѣ, описываются въ *Révolutions de Paris*: „Хотятъ увидѣть вѣроломнаго коменданта; находятъ его наконецъ: подлый спрятался. Два гренадера схватываютъ его. Подходитъ какой-то молодой буржуа. Комендантъ хочетъ ему довѣриться, бросается къ нему въ объятія, раздираемый скорбію. Его вырываютъ, лишая этой чести; обращаются съ нимъ какъ съ негодяемъ, влекутъ среди необозримой толпы. Онъ обращается къ молодому человѣку, который хочетъ еще защитить его отъ оскорбленій черни. „Ахъ, говоритъ онъ, раздираемый угрызениями совѣсти, я изменилъ отечеству! Рыданія заглушаютъ его голосъ“.. Когда достигли Гревской площади, народъ, нетерпѣливо жаждущій мести, не далъ Делоне и другимъ офицерамъ подняться на судъ Думы. Ихъ вырываютъ изъ рукъ побѣдителей, топчутъ ногами. Делоне пронзенъ тысячею ударовъ. Ему отрѣзаютъ голову и несутъ ее, воткнувъ на пику, по которой струится кровь“...

«Сей славный день долженъ поразить нашихъ враговъ. Онъ предвѣщаетъ намъ, наконецъ, торжество справедливости и свободы. Вечеромъ была общая иллюминація!»

Гарнизонъ сдался на честное слово. Нарушеніе этого слова было самымъ позорнымъ дѣломъ съ точки зрѣнія военной чести. Мишле это чувствовалъ и поясняетъ, что Бастилія была тюрьма, а не крѣпость; военные законы къ ней де не приложимы. Чѣмъ же во всякомъ случаѣ такъ славиться? Какою побѣдой величаться?

Побѣда была, впрочемъ, значительная: побѣда Собранія надъ королевскою властью. Успѣхъ парижскаго мятежа въ немъ радостно отозвался. Въ эти дни волненій представители націи засѣдали «непрерывно шестьдесятъ часовъ (*Rèvol. de Paris*, № 1, 20), опасаясь не только за свою свободу, но и за свою жизнь». Собранію впрочемъ едва ли грозила какая дѣйствительная опасность; крайне сомнительно, чтобы при дворѣ и особенно у короля былъ какойнибудь опредѣленный планъ. Тѣмъ не менѣе значительное число членовъ Собранія были въ страхѣ. Вожаки дѣйствовали. Собраніе вотировало отвѣтственность министровъ и совѣтниковъ короля, «какое бы ни было ихъ положеніе»; настойчиво требовало удаленія войскъ, признало, что объявленіе государственнаго банкротства сочтеть позорящимъ націю. Король медлилъ. Успѣхъ возстанія быстро перемѣнилъ картину. Людовикъ XVI явился въ Собраніе почти просителемъ; взываетъ къ согласію въ дѣйствіяхъ, объявляетъ, что уже далъ повелѣніе объ удаленіи войскъ. «Оставались, говоритъ маркизь де-Феррьеръ въ своихъ запискахъ (I, 145), два важные пункта, предрѣшенные революціонерами: возвращеніе Неккера и назначеніе Бальи парижскимъ меромъ, а Лафайета—главнокомандующимъ парижскою милиціей. Только эти мѣры могли обезпечить выгоды, пріобрѣтенныя Собраніемъ надъ дворомъ. Безъ

замедленія и это было достигнуто. Балъи былъ провозглашенъ меромъ, а Лафайетъ наименованъ командующимъ милиціей «по единомыслию избранію гражданъ». Президентъ и вице-президентъ (такъ называли на эти дни Лафайета) Собранія становятся во главѣ столицы: Собраніе дѣлается всемогущимъ. Произошло это слѣдующимъ образомъ.

15 іюля Собраніе отправило многочисленную депутацію (изъ восьмидесяти четырехъ членовъ) въ Парижскую Думу съ привѣтствіемъ и сообщеніемъ о предстоящемъ посѣщеніи Парижа королемъ. Поѣздка депутатовъ была триумфальнымъ шествіемъ. Стрѣляли изъ пушекъ, конный и пѣшій отряды предшествовали кортежу депутатовъ, шедшихъ пѣшкомъ между рядами восторженной публики, при неумолкаемыхъ кликахъ. Депутатовъ обнимали, цѣловали ихъ руки, раздавали имъ трехцвѣтныя кокарды. Представители города привѣтствовали ихъ какъ «ангеловъ мира». Въ Думѣ цѣлая овація. Произносятся рѣчи. Рѣчи эти переполнены фразами, прославляющими короля, обожаемаго, добродѣтельнаго, лучшаго въ мірѣ монарха. Лафайетъ въ патетическомъ разсказѣ передаетъ, какъ посѣтилъ король Собраніе, что говорилъ, и какъ депутаты въ восторгѣ проводили его до дворца среди растроганнаго народа. Можно подумать, что никогда еще королевская власть не пользовалась такою преданностію. Замѣчательное явленіе фальши! Власть на дѣлѣ отнимаютъ; она отрекается отъ себя, и къ ней обращаются льстивыя рѣчи, доказывающія, что никогда де не была она такъ сильна. Кого, казалось бы, можно было этимъ обмануть? Оказывается, обмануть можно весьма многихъ. Есть не мало людей съ такимъ инстинктомъ примиренія, что они готовы тотчасъ умилиться, какъ только покажется имъ, что дѣло уладилось, и что все пойдетъ гладко. Эта черта была въ натурѣ краснорѣчиваго графа Лалли Толандаля, члена Собранія, отличавшагося чрезвычайною чувствительностію, и человѣка дѣйствительно чеснаго. Его рѣчь о новой эрѣ довѣрія благодаря установившемуся согласію короля и націи была совершенно искреннею. Оратора увѣнчали вѣнкомъ, какъ онъ ни сопротивлялся, и показали въ вѣнкѣ въ окно народу. «Депутаты, сказано въ протоколѣ Думы, хотѣли уже оставить залу, какъ вдругъ всѣ голоса соединились, чтобы провозгласить г. маркиза де-Лафайета главнокомандующимъ парижскою милиціей». Какая странная неожиданность! Въ залѣ чрезвычайно кстати оказался бюстъ генерала, присланный изъ Америки. На него предсѣдатель избирателей, г. Моро де-Сенъ-Мери, указалъ Собранію. Послѣдовалъ выборъ аккламаціею. Въ то же время Балъи провозглашенъ меромъ Парижа. Разсказывая о своемъ избраніи, Балъи просто приводитъ выписку изъ протокола Думы. Потому говорить, какъ онъ былъ изумленъ и ошеломленъ. Въ разсказѣ сквозитъ какаля-то неискренность. За нѣсколько страницъ, подъ 12 іюлемъ, онъ же приводилъ слухъ, что его прочать въ головы.

Черезъ день самъ король прибылъ въ Парижъ. *Révolutions de Paris*

въ слѣдующихъ выраженіяхъ привѣтствуетъ «зарю прекраснаго дня», когда «обожаемый монархъ явился между насъ». «Отъ ужасовъ войны народъ, переступая такъ-сказать черезъ тѣла двухъ имъ умерщвленныхъ гражданъ, народъ, дышавшій доселѣ кровопролитіемъ, вносившій всюду желѣзо и огонь, вырывавшій изъ нѣдръ измѣнниковъ трепещущія внутренности, съ руками, дымящимися кровью, народъ этотъ, съ челомъ, сіяющимъ весельемъ, спѣшитъ принести своему монарху пальму мира. Французы, какое прямотушіе (quelle loyauté), какое довѣріе! О! моя нація! ты одна умѣешь обожать, какъ умѣешь и отомщать!» Чтобы принять эту пальму мира король, отправляясь въ Парижъ, простался съ семьей какъ бы идя на великую опасность. Его провожали толпы. При заставѣ, Балби, въ качествѣ мера подавая ключи города, привѣтствовалъ его словами, звучавшими оскорбительною ироніей: «Это тѣ ключи, которые были поднесены Генриху IV: онъ тогда только что покорилъ свой народъ; сегодня народъ покорилъ своего короля». Балби повидимому не хотѣлъ сказать ничего оскорбительнаго. Онъ увлекся представившеюся ему эффектною фразой, составленною почти экспромтомъ. Въ своихъ запискахъ онъ рассказывалъ, что, когда онъ отправлялся на встрѣчу королю, ему сказали, что надлежитъ представить монарху ключи города. «Что же сдѣлаешь съ ними король?»—Онъ передастъ ихъ вамъ.—«А я?»—Вы ихъ возьмете.—«Неужели понесу я эти огромные ключи? Я брошу ихъ въ первомъ углу».—Остерегитесь, это драгоцѣнные ключи, они были поднесены Генриху IV. «Это дало мнѣ, прибавляетъ Балби, тотчасъ идею первыхъ строкъ моей рѣчи. Я наскоро прибавилъ ихъ карандашемъ». Привезли короля въ Думу, провели по лѣстницѣ подъ лѣсомъ пикъ, посадили на тронъ, дали кокарду, привѣтствовали рѣчами—сказали, пусть и самъ произнесетъ нѣсколько словъ. Онъ произнесъ: «всегда можете рассчитывать на мою любовь!» Отвезли назадъ. Семья встрѣтила его со слезами радости, какъ избавившагося отъ смерти.

Когда депутаты шествовали по Парижу, они, какъ рассказываетъ Балби (II. 19), на улицѣ Сентъ-Оноре увидали замѣчательное зрѣлище. Родъ торжественной процессіи. Везли въ окруженіи милиціи, въ сопровожденіи хора военной музыки, одного garde français въ мундирѣ, увѣнчаннаго лавровымъ вѣнкомъ, украшеннаго крестомъ Св. Людовика. Экипажъ приостановился. Депутаты, не зная даже въ чемъ дѣло, «поздравили триумфатора и присоединили свои рукоплесканія къ рукоплесканіямъ толпы». Кажется, говорить Балби, это былъ «тотъ гардъ, который схватилъ г. Делоне и которому за то оставили крестъ, сорванный съ коменданта». Кто пожаловалъ ему этотъ крестъ? Пожаловало какое-то случайное собраніе гражданъ «во имя націи» (*Révol.* № I. 15). Это никого не удивило и представлялось вполне въ порядкѣ вещей. Гренадеръ потомъ было самъ заду-

мался, принесъ крестъ въ Думу, но предсѣдатель гласныхъ сказать, что не имѣеть права принять крестъ: народъ пожаловать.

Возвратимся къ Бастиліи. Сколько погибло при ея взятіи?

По описанію событія въ *Мониторъ*, убитыхъ было восемьдесятъ три, пятнадцать умерли отъ ранъ, семьдесятъ три были ранены. Счетъ, безъ сомнѣнія, гадательный.

А сколько заключенныхъ было освобождено?

По тому же описанію, семь человекъ, изъ нихъ четверо—дѣлатели фальшивыхъ документовъ.

Немного же было «жертвъ деспотизма» въ страшной крѣпости.

Тѣмъ не менѣ паденіе ея всюду произвело сильное впечатлѣніе. Съ именемъ Бастиліи соединялось множество воспоминаній. Она казалась какимъ-то оплотомъ королевскаго самодержавія. Во Франціи имя ея давно было ненавистно. Во множествѣ наказовъ, (*cahiers*), какими избиратели снабдили своихъ представителей, было указано уничтоженіе и срытіе Бастиліи. Понятно какое впечатлѣніе должно произвести ея взятіе. Впечатлѣніе это отразилось и за границей. Г. Рамбо въ рѣчи, произнесенной въ 1880 году на праздникѣ 14 іюля, напоминаетъ, что въ Италіи Альфіери, итальянскій знаменитый поэтъ, написалъ стихотвореніе: «Обезбастиленный Парижъ»; въ Англій Фоксъ восторгался событіемъ и говорилъ, что желалъ бы переѣхать проливъ, чтобы взглянуть на развалины Бастиліи; въ Германіи Меркъ возглашалъ, что взятіе Бастиліи полагаетъ первый камень счастья человѣчества.

Но вотъ что курьезно. Графъ Сегюръ, тогдашній французскій посолъ при Екатеринѣ, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: новость «при дворѣ» произвела значительное возбужденіе и общее неудовольствіе. Въ городѣ дѣйствіе было совсѣмъ противное. И хотя Бастилія навѣрно не грозила никому изъ жителей Петербурга, не могу передать какой энтузіазмъ паденіе этой государственной тюрьмы и эта первая побѣда бурной свободы возбудили между негоціантами, купцами, въ среднемъ кругѣ и между нѣкоторыми молодыми людьми болѣе высокаго класса. Французы, Русскіе, Датчане, Нѣмцы, Англичане, Голландцы, всѣ на улицахъ поздравлялись взаимно и цѣловались, какъ будто спала съ нихъ тяжелая цѣпь. Едва могу повѣрить этой глупости, о коей разсказываю» (Ségur, *Мет.*, III).

Изъ этого разсказа Мишле сдѣлалъ такую картину (*Hist. de la Rév.* I, 110). «Въ *Rossii*, странѣ тайны и молчанія, въ этой чудовищной Бастиліи на рубежѣ Европы и Азіи, когда достигла туда вѣсть, люди всякихъ націй на улицахъ восклицали, плакали, бросались другъ другу въ объятія, сообщая новость: Какъ не плакать отъ радости—Бастилія взята!» Г. Рамбо передаетъ анекдотъ въ не менѣ украшенной формѣ: «Въ *Rossii* этой отдаленной странѣ, тогда едва составлявшей часть Европы, Русскіе

и иностранцы обнимались на улицах и, вмѣсто того, чтобы говорить какъ въ день Пасхи: Христосъ воскресъ, съ энтузіазмомъ повторяли два слова: Бастилія взята».

Такимъ образомъ петербургскіе иностранцы историческою міѳологіей превращены въ Россію...

По поводу установленнаго нынѣ во Франціи праздника въ честь годовщины взятія Бастиліи, въ первоначальномъ изданіи статей „Противъ течения“ имѣются слѣдующія сужденія, изложенныя въ формѣ бесѣды автора съ пріятелемъ:

Пріятель. А нигдѣ, кажется, обновленная республиканская Франція не встрѣчаетъ такого сочувствія, какъ у насъ, если судить по газетамъ. Нѣкоторые славятъ праздникъ 14 Іюля какъ событіе, долженствующее привести въ восхищеніе всю земную планету, и говорятъ такъ, что подумаешь и ихъ сердца исполнены радостными воспоминаніями о томъ, какъ „народъ“ взялъ „твердыню Бастиліи“ у не защищавшихся инвалидовъ.

Авторъ. У насъ очень силенъ культъ французской революціи, хотя нигдѣ, конечно, не распространены такъ мало, какъ у насъ, свѣдѣнія объ этомъ событіи. Можетъ-быть и культъ поддерживается главнымъ образомъ тѣмъ, что о событіи этомъ имѣются у насъ лишь самыя неясныя, міѳическія представленія.

Пріятель. Это идетъ издалека. Помнишь, лѣтъ тридцать почти тому назадъ, въ наши студенческіе годы, подъ какимъ великимъ запретомъ и въ печати, и на кафедрахъ было у насъ слово революція. Въ университетскихъ бібліотекахъ книги, гдѣ говорится о революціи, были отставлены въ особые шкафы. На сочиненіяхъ, авторы которыхъ болѣе или менѣе сочувственно относятся къ событію, красовался ярлыкъ „запрещено безусловно“. Ихъ не давали даже профессорамъ, развѣ потихоньку. На простыхъ повѣствованіяхъ о происшествіяхъ запрещенной эпохи, мемуарахъ, сборникахъ, документахъ, значилось: „запрещено для публики“. Эти не выдавались студентамъ и постороннимъ читателямъ. И всѣ эти запреты не помѣшали революціоннымъ идеямъ чрезъ всѣ преграды проникать въ молодые умы.

Авторъ. Да. Какое бывало наслажденіе доставлялъ добытый отъ какого-нибудь обладателя запрещеннаго плода, профессора или иного счастливца, на самое короткое время опасный томъ какой-нибудь исторіи революціи, въ которомъ казалось и заключается самая-то скрываемая истина. Помнишь, съ какою жадностью одолѣвали мы въ одну ночь томъ Мишле, Луи Блана, въ четыреста, пятьсотъ страницъ, понимаемый изъятаго въ десятое и по недостаточному знанію языка и по отсутствію свѣдѣній вообще. Чѣмъ сочиненіе запрещеннѣе, тѣмъ казалось истиннѣе.

Пріятель. Надо признаться, что нашимъ юношескимъ увлеченіямъ не мало содѣйствовало то обстоятельство, что въ литературныхъ и профессорскихъ кружкахъ, имѣвшихъ наиболѣе вліянія на молодые умы, этотъ, какъ ты называешь, «культъ революціи», если не въ подробностяхъ исполненія ея программы, то въ ея началахъ, идеяхъ,—неотразимо де имѣющихъ осуществиться и отдѣлить новый міръ отъ стараго,—принадлежалъ къ числу основныхъ убѣжденій. Французскіе приверженцы революціоннаго кulta не изъ крайнихъ называютъ эти начала безсмертными началами 89 года. Мы понимали ихъ менѣе опредѣленно, но шире, включая революцію какъ самую капитальную часть въ общее понятіе объ историческомъ прогрессѣ. Разумѣли подъ началами этими все стремящееся и обѣщающее передѣлать неудовлетворительный существующій порядокъ на новый, непремѣнно лучший,—свободу во всѣхъ видахъ, борьбу со всякими притѣсненіями, изобличеніе злоупотребленій, уничтоженіе предразсудковъ, словомъ, цѣлый винегретъ прогресса. осуществить который мѣшаетъ только невѣжество массъ, коснѣющихъ и удерживаемыхъ въ предразсудкахъ, а также своекорыстіе людей власть имѣющихъ. Въ какой мѣрѣ въ кружкахъ былъ силенъ этотъ широкій революціонный культъ, о томъ свидѣлствуютъ изъ нихъ вышедшіе наши дилеттанты всесвѣтной революціи: Герценъ, Огаревъ, съ ихъ изданіями, играющими не малую роль въ печатной исторіи русскаго сбиванья съ толку; наконецъ, Бакунинъ, прямо пошедшій дѣлать чужія революціи.

Авторъ. Образованіе у насъ революціоннаго кulta съ его отгѣнками—отъ поклоненія идеаламъ до поклоненія практикѣ,—чрезвычайно понятно. Наши литературные и научные руководители, при большихъ конечно познаніяхъ и большей опытности, чѣмъ какія мы имѣли,—были по отношенію къ политическимъ вопросамъ, и къ дѣлу революціи въ томъ числѣ, такіе же неопытные новички, какъ и мы юноши. Между практикой окружающей жизни и тѣмъ, что слагалось въ умахъ изъ книжнаго знакомства съ міромъ европейской цивилизаціи, была тогда цѣлая пропасть. Чувствовалось внутреннее раздвоеніе. Съ одной стороны, непроглядная дѣйствительность съ явленіями невѣжества, грубаго стѣсненія всего, что дорого человѣку, дорожащему свободой своей мысли; съ другой—фантастическій идеалъ свободнаго цивилизованнаго государства, осуществляемый на Западѣ, и если не осуществленный еще, то лишь благодаря противо-дѣйствию именно тѣхъ же темныхъ силъ, которыя такъ давали себя чувствовать вокругъ. Для серьезной оцѣнки явленій жизни требовалась степень зрѣлости, которою не обладали ни мы, ни наши руководители. Нѣкоторые спасались отъ раздвоенія идеаломъ древней Руси...

Пріятель. А какъ тяжело иногда чувствовалось это раздвоеніе. Въ эпоху Крымской войны и великаго Севастопольскаго сидѣнья не мало было между нами почти радовавшихся нашимъ пораженіямъ, какъ побѣдѣ

цивилизации надъ зазнавшимися варварствомъ. Въ комъ не заглушены были здоровые инстинкты патриотизма, тѣ чувствовали *чуждость явления*. Въ біографіи Грановскаго можно видѣть, какъ онъ съ испугомъ отклонился отъ космополитическихъ сужденій этого рода, почувствовавъ въ себѣ русскаго человѣка. Черезъ нѣсколько лѣтъ наступила была минута, когда печальное раздвоеніе, о которомъ мы говоримъ, источникъ множества явленій со «скитальчествомъ» включительно, о которомъ заговорили въ послѣднее время, - готово, казалось, было навсегда исчезнуть. Это минута нашего національнаго пробужденія въ 1863 году во время Польскаго возстанія. Вдругъ стало яснымъ, что русскій патриотизмъ не грубость массъ, не чуждость кружка, не притворство желающихъ выслужиться у правительства, а сознаніе себя Русскимъ, не стыдящимся исторіи своего народа, не отрекающимся отъ нея со всею ея нравственною отвѣтственностію и трудными задачами, указываемыми вѣчною справедливостію, по волѣ которой и возвышаются и падаютъ народы. Почувствовалось, что разумный патриотизмъ есть истинный признакъ образованнаго народа, а пошлый космополитизмъ, такой же признакъ варварства, какъ и китайщина. Но плохо воспользовались мы этою минутой. Остановились, какъ остановились потомъ предъ стѣнами Константинополя. Медленны шаги исторіи!..

2004